

ISSN 0869-4362

**Русский
орнитологический
журнал**

**2019
XXVIII**

**ЭКСПРЕСС-ВЫПУСК
1766
EXPRESS-ISSUE**

Русский орнитологический журнал
The Russian Journal of Ornithology

Издается с 1992 года

Том XXVIII

Экспресс-выпуск • Express-issue

2019 № 1766

СОДЕРЖАНИЕ

- 2033-2058 Изменения в видовом составе и численности неворобьиных птиц Павловского парка за последние 100 лет.
А. Ю. КРЕТОВА, И. В. ИЛЬИНСКИЙ
- 2059-2064 Новые сведения о распространении широкохвостой камышевки *Cettia cetti* в Краснодарском крае.
П. А. ТИЛЬБА, Р. А. МНАЦЕКАНОВ,
Т. В. КОРОТКИЙ
- 2065-2069 Выживаемость яиц и птенцов тихоокеанской чайки *Larus schistisagus* в колониях Ольской лагуны.
Л. А. ЗЕЛЕНСКАЯ
- 2070-2072 Гнездование белой совы *Nyctea scandiaca* в горах центральной Чукотки. И. В. ДОРОГОЙ
- 2072-2073 Современный статус стервятника *Neophron percnopterus* в Узбекистане. Р. Д. КАШКАРОВ
- 2074-2076 Роль птиц в энзоотии чумы.
А. В. ХОЛИН, Д. Б. ВЕРЖУЦКИЙ
-

Редактор и издатель А. В. Бардин

Кафедра зоологии позвоночных
Биолого-почвенный факультет
Санкт-Петербургский университет
Россия 199034 Санкт-Петербург

Русский орнитологический журнал
The Russian Journal of Ornithology
Published from 1992

Volume XXVIII
Express-issue

2019 № 1766

CONTENTS

- 2033-2058 Changes in species composition and abundance of non-passerine birds of the Pavlovsk Park in the last 100 years. A. Y u . K R E T O V A , I . V . I L J I N S K Y
- 2059-2064 New data on the distribution of the Cetti's warbler *Cettia cetti* in the Krasnodar Krai. P . A . T I L B A , R . A . M N A T S E K A N O V , T . V . K O R O T K Y
- 2065-2069 The survival rate of eggs and chicks of the slaty-backed gull *Larus schistisagus* in the colonies of the Olska Lagoon. L . A . Z E L E N S K A Y A
- 2070-2072 Nesting of the snowy owl *Nyctea scandiaca* in central Chukotka mountains. I . V . D O R O G O Y
- 2072-2073 The modern status of the Egyptian vulture *Neophron percnopterus* in Uzbekistan. R . D . K A S H K A R O V
- 2074-2076 The role of birds in plague enzooty. A . V . K H O L I N , D . B . V E R Z H U T S K Y
-

A. V. Bardin, Editor and Publisher
Department of Vertebrate Zoology
St.-Petersburg University
St.-Petersburg 199034 Russia

Изменения в видовом составе и численности неворобьиных птиц Павловского парка за последние 100 лет

А.Ю.Кретьова, И.В.Ильинский

Анна Юрьевна Кретьова, Иван Владимирович Ильинский. Кафедра зоологии позвоночных, биологический факультет, Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская набережная, 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия.
E-mail: anna.kretova.1995@mail.ru; ivi-2008@yandex.ru

Поступила в редакцию 8 апреля 2019

Павловский парк, площадь которого в настоящее время составляет 543 га (Ковязин и др. 2016.), пользуется славой одного из крупнейших пейзажных парков Европы. Вместе с тем, это не только уникальный памятник ландшафтного искусства конца XVIII – начала XIX века, но и место обитания многих птиц, значительную часть которых составляют неворобьиные птицы. Расположен парк на северной окраине города Павловска по берегам реки Славянки, в 30 км к югу от центральной части Санкт-Петербурга.

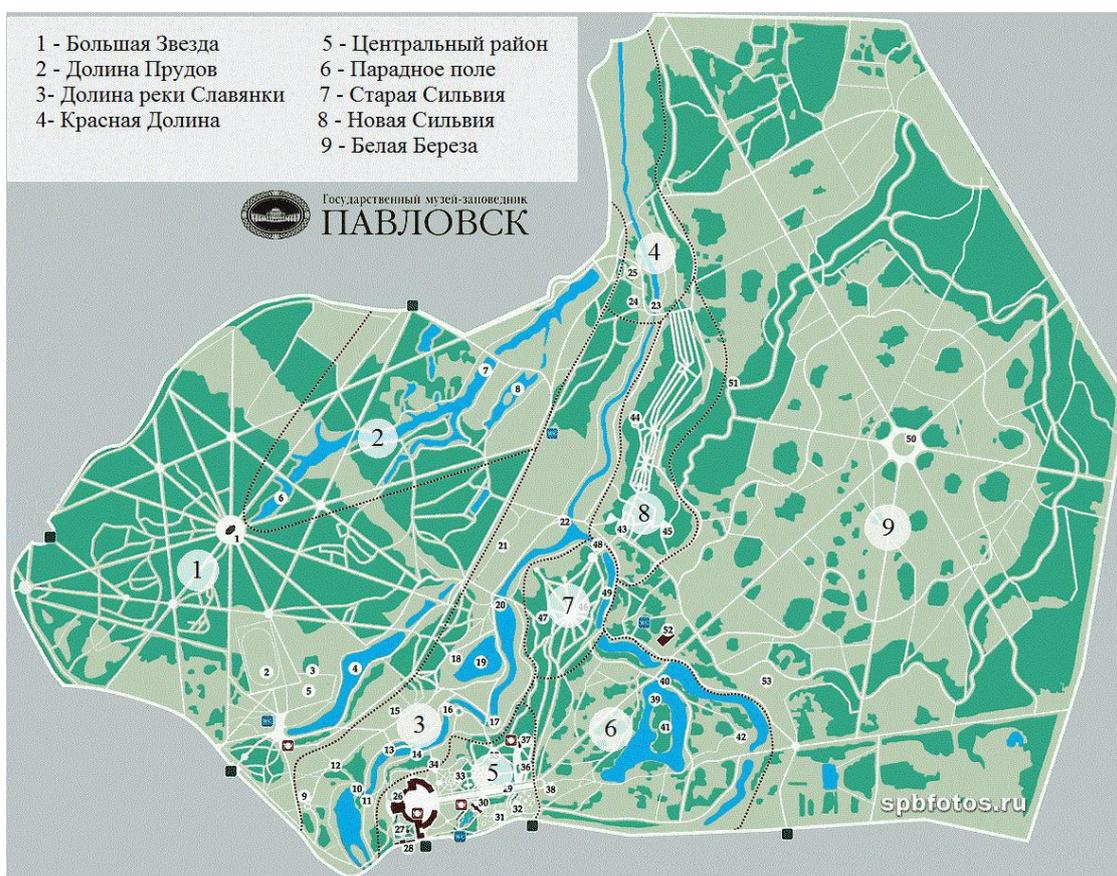

Рис. 1. Карта-схема Павловского парка (59°41' с.ш. 30°27' в.д.), на которой показаны его районы (их 9).

История парка началась со времени основания Павловска в 1777 году. Первоначально это были лесные угодья, где устраивались царские охоты. Современную планировку (рис. 1) парк приобрёл уже к началу XIX века, после формирования района Парадное поле. В последующие годы планировка парка сохранялась, но облик его не оставался неизменным. Наиболее сильное вмешательство парку пришлось пережить в годы Великой Отечественной войны. Целые районы: Старая Сильвия, Большая Звезда и значительная часть Белой Берёзы, – были вырублены (рис. 2).

Рис. 2. Район Большой Звезды в первые послевоенные годы.
<http://tyarlevoclub.ru/biblioteka/chitalnyy-zal/emil-vunukaynen.html>

В архивах Павловского дворца сохранились материалы ботанического исследования Павловского парка, выполненного в 1946 году сотрудниками Ботанического института АН СССР, позволяющие представить масштабы урона, нанесённого парку в годы войны. В частности, в отношении района Большой Звезды в них содержатся следующие данные: общая площадь района (без подрайона Долины Прудов) – 70.1 га; площадь, занятая древесно-кустарниковой растительностью – 48.114 га; древесная растительность: ель – 11290 единиц (16 здоровых), сосна – 1272 (7), прочие хвойные – 42, берёза – 1049 единиц (9), липа – 10 (3), дуб – 8 (2), прочие лиственные – 1202 (26 здоровых) (Ботаническое исследование... 1946). Меньше пострадала древесная растительность Долины Прудов, Новой Сильвии, северной части Белой Берёзы. Всего на территории парка было вырублено 70 тысяч деревьев; были взорваны мосты и плотины, разрушен Дворец, уничтожены многие постройки на территории парка. Как следствие, на вырубках, зарастающих молодняком берёзы и ольхи (район Большой Звезды) обитали типичные птицы лугов и вырубков (Божко 1972).

Сразу же после освобождения Павловска в 1944 году начались работы в Павловском парке по ликвидации последствий войны. Свыше 70 тысяч деревьев и 68 тысяч кустарников было высажено в парке в первые послевоенные годы (Кучумов, Величко 1976). К 1956 году молодой древостой в районе Большой Звезды уже стал выше человеческого роста (Божко 1972), а к настоящему времени этот район уже вновь приобрёл облик, близкий к настоящему лесу (рис. 3).

Рис. 3. Район Большой Звезды. Слева – 13 мая 2016, справа – 20 мая 2016. Фото А.Ю.Кретовой.

В настоящее время доля хвойных пород в парке составляет 28%, лиственных – 47%, кустарников – 25%. Среди хвойных пород преобладают ель европейская *Picea abies* (67%) и сосна обыкновенная *Pinus sylvestris* (31%), среди лиственных пород – берёза пушистая *Betula pubescens* (35%) (Ковязин и др. 2016).

Во второй половине XX – начале XXI столетий самые существенные изменения в парке связаны, во-первых, с реставрационными работами (ландшафтные и санитарные рубки, вырубка самосева, реставрация и кошение лугов, очистка прудов от водной растительности) и, во-вторых, с увеличением рекреационного пресса за счёт стремительного роста новых жилищных массивов в южных районах Санкт-Петербурга, а также коттеджного строительства на территории, граничащей с парком. Коттеджное строительство приводит к дополнительной изоляции парка от ближайших природных ландшафтов. Все эти изменения, вне сомнения, не остались безразличными для населения птиц Павловского парка.

В 2016-2018 годах с целью изучения современного состояния населения птиц Павловского парка в течение всех сезонов проводились регулярные наблюдения на его территории. Сравнительно равномерное обследование парка (1100 ч в весенне-летний период), было дополнено

точечными учётами, для проведения которых было выбрано 66 точек. Продолжительность учёта в каждой точке составляла 10 мин (Ralph *et al.* 1993; Бибби и др. 2000). За три года было осуществлено 435 точечных учётов (72.5 ч). Во время наблюдений на маршрутах и во время точечных учётов регистрировались все встречи с птицами, место и характер встречи. Специальные усилия предпринимались для поиска гнёзд и выводков птиц с целью определения характера пребывания каждого вида в парке. Встречи с птицами, а также местоположение гнёзд регистрировались при помощи GPS-навигатора. В последующем данные переносились на оцифрованную с использованием программы MapInfo Prof. (vers. 11.0) карту, разбитую по географическим координатам на 585 учётных квадратов со стороной 100 м (рис. 4).

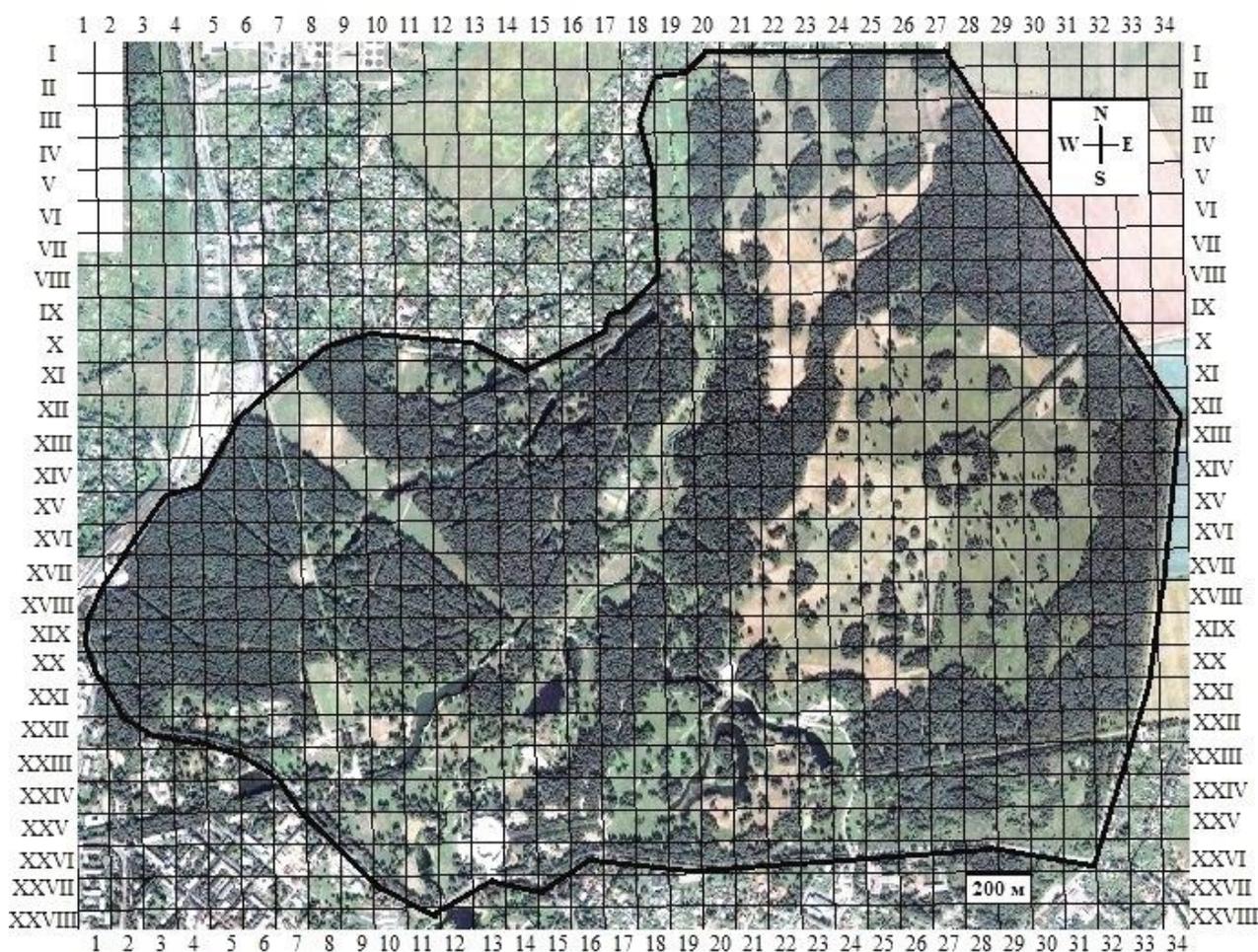

Рис. 4. Спутниковый снимок Павловского парка, разбитый на учётные квадраты площадью 1 га (100×100 м). <https://www.google.com/earth> (дата обращения: 19.01.2008).

Для большинства встреченных видов птиц были сделаны фотографии, подтверждающие их обитание и размножение на территории Павловского парка. При поиске малочисленных и скрытно живущих птиц (в частности, при поиске сов) был использован метод звуковой ловушки: проигрывались записи голосов соответствующих видов в биотопах, пригодных для их обитания. Для уточнения статуса некоторых видов

использованы сообщения об их встречах в Павловском парке, имеющиеся в специальной литературе.

Первые сведения о птицах Павловского парка, правда, всего о нескольких видах, можно найти уже в работах В.Руссова (1880), Е.А.Бихнера и Ф.Плеске (Büchner, Pleske 1881) и Е.А.Бихнера (1884). Первое сравнительно полное описание орнитофауны Павловского парка было сделано Н.М.Жуковым в 1914-1918 годах. К сожалению, материалы этих наблюдений были опубликованы при жизни исследователя лишь частично (Бианки 1916, 1923); полностью они были сведены воедино и увидели свет лишь в 2014 году (Ильинский 2014). Последующие учёты птиц парка проведены в 1953-1956 годах (С.И.Божко и А.С.Мальчевский), затем в 1978-1981 годах (А.С.Мальчевский и И.В.Ильинский), 1990-1992 годах (И.В.Ильинский и др.) и, наконец, в 2016-2018 годах авторами данного сообщения. Между периодами «тотальных» учётов время от времени осуществлялись и кратковременные исследования с целью уточнения характера пребывания в парке отдельных видов птиц. Таким образом, с учётом данных 2016-2018 годов, мы имеем возможность охарактеризовать количественный и качественный состав орнитофауны Павловского парка за 100-летний период.

Водоплавающие – экологическая группа птиц, на примере которой, пожалуй, наиболее ярко проявились изменения в составе орнитофауны Павловского парка за последнее столетие. Несмотря на то, что водоёмы на территории парка представлены не только рекой Славянкой, пересекающей парк в меридиальном направлении, но и такими крупными прудами, как Розовопавильонный пруд в районе Парадное поле, Круглый пруд в Долине реки Славянки, а также системами более мелких прудов в районе Большой Звезды и в Долине Прудов, водоплавающие птицы стали активно вселяться на его территорию лишь во второй половине XX – начале XXI века. Из 7 видов уток, зарегистрированных на территории Павловского парка, первой в парке начала гнездиться кряква *Anas platyrhynchos*. О её гнездовании в окрестностях Павловска, благодаря наблюдениям Н.М.Жукова (Ильинский 2014), стало известно уже с начала XX века. Осталось неизвестным, гнездилась ли кряква в эти годы непосредственно в парке. По крайней мере, в 1953-1956 годах она отсутствовала здесь на гнездовье (Божко 1957, 1972). Выводки этого вида на водоёмах Павловского парка впервые зарегистрированы в 1978 году (Мальчевский, Ильинский 1978; Мальчевский, Пукинский 1983; Ильинский, Мальчевский 1984). В настоящее время кряква является самым многочисленным видом водоплавающих птиц в парке. Если в 1978 году здесь удалось обнаружить только 5 выводков, то в 2016-2018 годы ежегодно регистрировали более 40 выводков. Нерегулярно, но всё же встречаются кряквы в парке (на реке Сла-

вянке) и в зимний период. Об их зимовке на реке Славянке в окрестностях Павловска известно благодаря наблюдениям Н.М.Жукова, по крайней мере уже с 1913 года (Ильинский 2014).

Уже три десятилетия хохлатая чернеть *Aythya fuligula* активно осваивает водоёмы Санкт-Петербурга (Храбрый 1991, 2007, 2015; Носков и др. 2015). В Павловском парке гнездование хохлатой чернети зарегистрировано с 1990 года, до этого времени данных о встречах этого вида в парке не было (Божко 1957, 1972; Мальчевский, Пукинский 1983; Ильинский 2014). Летом 1990-1992 годов здесь гнездились всего две пары, но при этом в течение мая можно было одновременно увидеть до 9-14 взрослых птиц (Ильинский и др. 1990). Спустя 25 лет (гнездовые сезоны 2016-2018 годов) в парке ежегодно удавалось учесть не менее 20 выводков.

Гнездование гоголя *Vulpes clangula* на внутренних водоёмах города – новое явление для Санкт-Петербурга и его городов-спутников. Ещё сравнительно недавно этот вопрос даже не обсуждался в научных публикациях (Мальчевский, Пукинский 1983; Храбрый 1991). Лишь в конце 1990-х годов гнездование этого вида в парках Гатчины обратило на себя внимание (Чиринская 2006). Гнездование гоголя в Павловске на реке Славянке (в парке Мариенталь, возле устья речки Тызвы) началось не позже 2007 года, в то время как первая встреча пары этих птиц была зарегистрирована здесь 13 апреля 2002. Позже гоголи стали встречаться и в Павловском парке. В 2016 году в парке удалось выявить лишь один выводок, который 22 мая состоял из 3 птенцов в возрасте около недели (рис. 5). В 2017 году было обнаружено 2 выводка гоголей на Розовопавильонном пруду. Помимо этого, взрослых самок, не имеющих утят, можно было встретить и на других водоёмах парка. В 2018 году общее число встреченных выводков достигло 8, кроме этого в парке держалось не менее 8-10 самок, не сопровождающих выводка.

Чирок-свистун *Anas crecca*, который в середине XX столетия был вторым по численности видом уток после кряквы (Мальчевский, Пукинский 1983), был известен на гнездовании в окрестностях Павловска благодаря наблюдениям Н.М.Жукова в 1914-1918 годах (Ильинский 2014). На территории Павловского парка эта утка зарегистрирована всего один раз – 1 птица 10-13 сентября 1990 вместе с кряквами держалась на плёсах реки Славянки (набл. С.В.Меньшиковой).

К числу водоплавающих птиц, предпринявших попытку гнездования в начале XXI века в Павловском парке, принадлежит красношейная поганка *Podiceps auritus*. Это сравнительно редкий гнездящийся вид Ленинградской области второй половины XX века (Мальчевский, Пукинский 1983; Высоцкий 2002), который в последние 2-3 десятилетия начал увеличивать численность и заселять ранее неиспользуемые им водоёмы Санкт-Петербурга (Иовченко 2015а; Храбрый 2015). В 2016

году красношейная поганка впервые загнездилась на прудах города Пушкина (Кузиков 2016), продолжив гнездиться здесь и в 2017-2018 годах (Попов, Сахаров 2017; Столярова, Бардин 2018). В 2016 году была предпринята попытка гнездования красношейными поганками на Розово-павильонных прудах Павловского парка. К 24 июня здесь было завершено строительство гнезда, и можно было видеть, что взрослая птица сидит на нём (рис. 6). Однако эта попытка гнездования оказалась неудачной; оно было прервано на начальном этапе (скорее всего, было разорено).

Рис. 5 (слева). Самка гоголя *Vesphala clangula* с птенцами. 22 мая 2016. Фото А.Ю.Кретовой.
Рис. 6 (справа). Красношейная поганка *Podiceps auritus* на гнезде. 25 июня 2016. Фото А.Ю.Кретовой.

Вплоть до 1960-х годов камышница *Gallinula chloropus* оставалась очень редкой птицей Ленинградской области (Мальчевский, Пукинский 1983), лишь в последние десятилетия XX столетия её численность стала постепенно увеличиваться. К началу XXI века она стала гнездиться уже на многих прудах Санкт-Петербурга (Иовченко 2015б, Носков и др. 2015; Храбрый 2015). В Павловском парке молодая камышница впервые зарегистрирована в октябре 1990 года (С.В.Меньшикова, устн. сообщ.). Это могла быть особь, уже покинувшая место рождения (например, бывшие карьеры, расположенные в 1.5 км к востоку от парка или пруды города Павловска). Размножение камышницы в парке удалось установить лишь в 2016 году, когда на его водоёмах впервые были обнаружены выводки этого вида (рис. 7). В 2016-2018 годах число выявленных выводков в парке изменялось от 2 до 4, что не полностью соответствовало количеству камышниц, живущих здесь. Так, в 2016 году было учтено 5 пар, а обнаружено лишь 4 выводка. Следует также отметить, что на водоёмах города Павловска, в частности, на реке Славянке у крепости БИП (устье Тызвы), этот вид начал гнездиться существенно раньше, чем в парке; по крайней мере, уже в 2002 году здесь зарегистрирован выводок камышницы. Гнездились камышницы здесь, а также на других водоёмах Павловска и в последующие годы.

Прошло уже около 50 лет с тех пор как лысуха *Fulica atra* начала осваивать водоёмы Санкт-Петербурга, сменив постепенно статус редкой, локально встречающейся в городе птицы (Мальчевский, Пукинский 1983) на «обычный гнездящийся, перелётный, единично зимующий вид» (Храбрый 2015). Однако в Павловском парке на протяжении всего XX века гнездование лысух не регистрировали, были известны лишь редкие встречи одиночных птиц, как это было в 1991 году, когда взрослая лысуха в сентябре-октябре более месяца держалась на Круглом озере. Первоначально лысухи начали гнездиться в Павловске на реке Славянке в парке Мариенталь (возле устья речки Тызвы). Так, в 2003 году у пары, которая загнездилась здесь, 1 июня появились первые птенцы. Впервые размножение лысухи в Павловском парке было выявлено в 2018 году, когда на Большом Розовопавильонном пруду нашли гнездо, в котором 7-9 июня произошло вылупление 7 птенцов (рис. 8). В этом же году в 200-250 м от этого гнезда всё лето держалась одиночная лысуха, не проявляющая признаков агрессии даже по отношению к камышницам, живущим на том же участке пруда. Таким образом, как и в случае с камышницей, лысухи раньше начали поселяться на водоёмах Павловска (вне парка), степень зарастания которых была несравненно выше.

Рис. 7 (слева). Камышница *Gallinula chloropus* с птенцом. 25 июля 2016. Фото А.Ю.Кретовой.
Рис. 8 (справа). Лысуха *Fulica atra* с птенцами на гнезде. 20 июня 2018. Фото А.Ю.Кретовой.

Обращает на себя внимание то, что все виды водоплавающих, упомянутые нами выше, во второй половине XX века, хотя и в разные сроки, проявили явную склонность к синантропизации, что способствовало их появлению на гнездовании и в Павловском парке.

Помимо лысухи и камышницы, пастушковые птицы представлены в Павловском парке ещё одним видом – коростелём *Crex crex*. Н.М.Жуков не сообщает о встречах этих птиц на территории парка в 1914-1918 годах, но при этом оставил запись, что коростель был «обыкновенным

гнездящимся видом» в окрестностях Павловска (Ильинский 2014). Вместе с тем, встречи этих птиц и даже их выводков были обычным явлением в пойме Славянки и на зарастающих полянах на территории парка в 1950-1960-х годах (Божко 1957, 1972; Мальчевский, Пукинский 1983). Это совпало со временем, когда этот вид был многочисленной птицей Ленинградской области. Падение численности коростеля стало ощущаться с конца 1960-х – начала 1970-х годов (Мальчевский, Пукинский 1983). И, вероятно, как следствие, – отсутствие этого вида в парке во время его обследования в 1978-1981 годах. Снова коростель был обнаружен здесь в 1990 году (Ильинский и др. 1990), и с этого времени токование самцов удавалось регистрировать в парке почти ежегодно. Причём в июне-июле 2016-2018 годов можно было слышать до 5 одновременно поющих самцов. Увеличение частоты встреч коростеля в парке произошло на фоне изменения в лучшую сторону ситуации с этим видом пастушковых птиц в европейской части России (Мищенко, Суханова 2000, 2011).

Дневные хищные птицы – ещё одна группа птиц Павловского парка, в которой за последнее столетие произошли существенные изменения, причём как в отношении видового разнообразия, так и в численности отдельных видов. Из 10 видов, зарегистрированных на территории парка, нет ни одного, который встречался бы на территории парка постоянно в течение последних 100 лет.

Лишь последние три десятилетия в Павловском парке регулярно гнездится тетеревиатник *Accipiter gentilis*. В 1914-1918 годах Н.М.Жуков писал, что тетеревиатник «только зимует в окрестностях Павловского парка, появляясь в августе, и к апрелю исчезает» (Ильинский 2014). В последующем, до 1978 года, не было описано ни одной встречи этого ястреба непосредственно в парке. Первая регистрация этого хищника в гнездовое время произошла в 1990 году: 24 мая ястреб охотился на пограничном участке районов Белой Берёзы и Старой Сильвии. До этого тетеревиатника видели в районе Белой Берёзы 5 марта 1978, но расценили эту встречу, как случайный визит в парк. Гнездо тетеревиатника впервые найдено здесь в 1992 году. Начало гнездования ястреба в Павловском парке произошло в период, когда он начал гнездиться и в других парках Санкт-Петербурга (Храбрый, Шишкин 2006). В 1992 и в последующие годы, в том числе и в 2016-2018, тетеревиатник гнездился на одной и той же территории района Белой Берёзы. В 2016-2017 годах гнездо этой пары каждый раз покидало по 3 слётка. В 2018 году, когда на гнездовом участке проводились санитарные рубки ельника, единственную молодую птицу удалось найти лишь 26 июля уже в 1.5 км от гнезда. В 2017 году в левобережной части парка (район Большой Звезды) появилась вторая пара тетеревиатника, состоящая из взрослого самца и самки в ювенильном наряде. В первый год эта пара

построила гнездо, но не размножалась. В 2018 году их гнездо покинули 2 слётка (зарегистрированы 16 июля).

В отличие от тетеревятника, перепелятник *Accipiter nisus* лишь эпизодически встречался на территории Павловского парка в течение последнего столетия, причём, как в летнее, так и в зимнее время (Божко 1957, 1972; Мальчевский, Ильинский 1978; Ильинский и др. 1990; Ильинский 2014). Его гнездование в парке вполне вероятно, но остаётся не подтверждённым.

На протяжении последнего столетия канюка *Buteo buteo* неоднократно наблюдали в летние месяцы на территории Павловского парка: по свидетельству Н.М.Жукова, он держался в парке на протяжении лета 1915 года (Ильинский 2014); был встречен на майско-июньских экскурсиях в 1953-1956 годах (Божко 1957, 1972), а затем неоднократно в 2003-2012 годах. Это позволяло предполагать, что канюк гнездится в парке, однако его размножение здесь удалось подтвердить лишь в 2018 году, когда 20 июля в парке (район Белой Берёзы) был обнаружен уже летающий слётки, которого кормили обе взрослые птицы. 26 июля на том же участке парка, где первоначально был обнаружен слётки канюка, удалось найти и гнездо, под которым сохранились фрагменты съеденных птиц (перья и кости) и погадки, содержащие шерсть и кости грызунов.

Дербник *Falco columbarius* – нерегулярно гнездящийся вид Павловского парка. Впервые гнездование этого вида в парке зарегистрировано Н.М.Жуковым в 1913 году (Бианки 1923; Ильинский 2014). Следующее его гнездование было выявлено здесь только в 2009 году (Дьяконова 2009). Это совпало по времени с периодом успешного освоения дербником Санкт-Петербурга как территории, где этот сокол не только изредка зимует (Мальчевский, Пукинский 1983; Храбрый 1991), но и регулярно гнездится (Лобанов 2001; Пчелинцев 2003; Храбрый, Шишкин 2006; Храбрый 2007, Фёдоров 2008). В 2016-2018 годах гнёзд дербника найти не удалось, но гнездование его в парке вполне вероятно, так как в этот период здесь были зарегистрированы выводки этого сокола. Так, летом 2016 года взрослая птица регулярно отмечалась в районе Парадного поля. Затем здесь же, на границе парка с городом, были обнаружены три уже летающих молодых птицы. В 2018 году также в районе Парадного поля 23 июня обнаружена пара дербников, активно беспокоящихся у определённой группы старых деревьев, но гнездовой постройки рассмотреть не удалось. 3 июля в этом же месте были вновь отмечены взрослые дербники, проявляющие беспокойство. На этот раз они принесли добычу и передали её сидящему на дереве слётки. 9 июля зарегистрировано уже два хорошо летающих слётки, продолжавших держаться возле того же района предполагаемого гнездования. Не исключено, что дербники могли использовать для гнездова-

ния, как Павловский парк, так и соседний парк Мариенталь, где на протяжении уже нескольких лет были отмечены выводки дербника, а в 2015-2016 годах были известны гнёзда этого вида.

По наблюдениям Н.М.Жукова, пустельга *Falco tinnunculus* была обычна в окрестностях Павловского парка в 1914-1918 годах (Ильинский 2004). До конца 1950-х годов пустельга считалась самым обычным видом среди соколов Ленинградской области, встречалась она и в большинстве пригородных парков (Мальчевский, Пукинский 1983). На гнездовании в Павловском парке её отмечали с 1953-1956 годов до 1978 (возможно 1981) года. Однако в 1960-1970-х годах на Северо-Западе России началось падение численности этого вида (Мальчевский, Пукинский 1983), что отразилось и на присутствии его в пригородных парках. Если в 1950-е годы в парке гнездились 2 пары, то в 1978 году было отмечено гнездование лишь одной (Божко 1957, 1972; Мальчевский, Пукинский 1983). С конца XX века пустельга начала постепенно восстанавливать численность, вновь поселяясь на сельскохозяйственных полях, граничащих с пригородными парками (Пчелинцев 2003). Появились пустельги и на полях между Павловским парком и посёлком Фёдоровское, однако на территории Павловского парка в последние годы они не гнездились. Но в 2018 году одна пара гнездилась на окраине деревни Нововесь, расположенной непосредственно у северной границы парка, а охотились эти птицы на полях, примыкающих к северо-восточной границе района Белой Берёзы.

Чеглок *Falco subbuteo* не был известен Н.М.Жукову на гнездовании в окрестностях Павловска в начале XX века (Ильинский 2014). В 1950-е годы гнездование этого хищника в парке лишь предполагалось (Божко 1957, 1972). Только в 1990 году в районе Новой Сильвии было найдено гнездо, из которого успешно вылетели птенцы. В этом же районе чеглоки достоверно гнездились в 1992-1994 годах (в гнезде ворона *Corvus corax*, построенном на старой сосне), а в 2003 году – в районе Белой Берёзы в старом гнезде серой вороны *Corvus cornix*. В 2016-2018 годах одна пара чеглоков вновь гнездилась в районе Белой Берёзы. Интересно, что в 2016 и 2017 годах чеглоки гнездились в одном и том же гнезде серой вороны, расположенном на сосне, и только в 2018 году сместили место гнездования на расстояние около 700 м. На охоту эта пара чеглоков в июле улетала на сельскохозяйственные поля, прилегающие к парку с северо-восточной стороны. В 2018 году, помимо основной пары, на границы района Белой Берёзы и Новой Сильвии был обнаружен ещё один чеглок, который держался на этом участке по крайней мере с 18 июня до конца июля; его гнездование подтвердить не удалось. В настоящее время чеглок, как и тетеревиатник, стал обычен не только для Павловского парка, но и для большинства пригородных парков Санкт-Петербурга (Пчелинцев 2003; Храбрый 2015).

В группу случайных посетителей Павловского парка из хищных птиц входят 4 вида: осоед *Pernis apivorus*, зимняк *Buteo lagopus*, кобчик *Falco vespertinus* (наблюдения Н.М.Жукова в 1914-1918 годы – Ильинский 2014), и сапсан *Falco rusticolus* (Дьяконова 2007).

Одна из наиболее богатых видами группа неворобьиных птиц – отряд Ржанкообразные – представлена в Павловском парке всего 9 видами (5 видов куликов, 3 видов чаек и 1 вид крачек), из которых за 100-летний период в нём гнездились хотя бы непродолжительное время всего 3 вида – черныш *Tringa ochropus*, перевозчик *Actitis hypoleucos* и вальдшнеп *Scolopax rusticola*; возможно гнездование ещё одного вида – бекаса *Gallinago gallinago*.

Кулик-черныш был известен Н.М.Жукову в окрестностях Павловска в летний период 1914-1918 годов, но и за эти годы, и за всю последующую историю наблюдений этот вид достоверно гнезвился в парке лишь в 1953 году – 19 июня был обнаружен выводок в сопровождении двух взрослых птиц (Божко 1957, 1972). Токующих самцов чернышей изредка удавалось слышать также в 1990-2000-е годы, но ни выводков, ни беспокоящихся птиц видеть здесь больше не приходилось.

Перевозчик, судя по наблюдениям Н.М.Жукова (Ильинский 2004), в начале XX века встречался в окрестностях Павловска иногда всё лето, но по большей части его приходится здесь наблюдать лишь на пролёте. Гнездование этого кулика достоверно зарегистрировано в Павловском парке лишь в 1960 году (обнаружен выводок). Токующие самцы и пары птиц отмечались, кроме того, в 1968 году (Божко 1957, 1972). В последующем, с 1990 года по настоящее время, перевозчики встречались в парке не ежегодно, но в годы их присутствия удавалось видеть и беспокоящихся птиц. Причём наиболее часто их наблюдали на берегах Славянки и на острове Ливен Большого Розовопавилонного пруда. На острове Ливен в летние месяцы 2016-2018 годов пару этих куликов удавалось видеть регулярно.

Ещё один вид куликов, гнездование которого удалось доказать для территории Павловского парка лишь в 2018 году – вальдшнеп. Его встречи в мае-июле, в том числе токовые полёты, изредка удавалось наблюдать в парке по крайней мере с 1978 года. Но только 27 июля 2018 на дорожке в восточной части парка (район Белой Берёзы) был обнаружен мёртвый птенец, у которого опахала маховых перьев развернулись не более чем наполовину. В этом же году в парке в мае-июне в течение одной экскурсии можно было наблюдать до трёх токующих самцов. Ранее, в 2007 году, ближайшее к Павловскому парку гнездо вальдшнепа было найдено южнее посёлка Грачёвка, в 3 км от южной границы района Белой Берёзы. Располагалось оно на опушке влажного берёзово-осинового леса; 19 апреля в нём была уже полная, но не насиженная кладка.

На сырых лугах юго-восточной части Белой Берёзы в отдельные годы последних трёх десятилетий в конце апреля и в течение всего мая удавалось наблюдать ток одного-двух бекасов, но ни гнёзд, ни выводков находить не удавалось. Не удалось это сделать и в 2018 году, несмотря на активное токование бекаса в апреле-мае и встречи двух птиц одновременно. Проведённый нами 18 мая поиск гнезда при помощи траления верёвки результата не дал. Тем не менее, исключить того, что бекас всё же гнездился здесь, нельзя.

Со второй половины XX века чибис *Vanellus vanellus* – обычная птица на обширных сельскохозяйственных полях к северу и востоку от Павловского парка, но на лугах парка этот вид не гнездится и посещает их крайне редко. Причём в иные годы это могут быть группы до 20-25 птиц, как в 1981 году, когда на лугах района Белой Берёзы 24 апреля 1981 было зарегистрировано две стайки из 25 и 9 птиц, в другие – всего 1-3 особи. Одного чибиса довелось встретить в 2018 году. Он был обнаружен на территории парка 18 июня, после чего держался несколько дней в северной части района Белой Берёзы, на участке, на котором перед этим был вырублен молодой березняк-самосев.

Н.М.Жуков вообще не включил чаек в перечень птиц, встреченных на территории Павловского парка в 1914-1918 годах (Ильинский 2014). С.И.Божко (1957, 1972), обсуждая разнообразие и динамику орнитофауны парков Ленинграда и его окрестностей, ограничилась указанием, что сизая и озёрная чайка – летние негнездящиеся виды, не указав при этом парк. К настоящему времени на территории Павловского парка зарегистрировано 3 вида чаек: озёрная *Larus ridibundus*, серебристая *Larus argentatus* и сизая *Larus canus*. Они стали чаще прилетать на водоёмы парка для отдыха и в поисках корма по мере того, как возрастала их численность в Ленинградской области. Первой из чаек стала посещать парк, по крайней мере с середины 1970-х годов, озёрная чайка. Теперь в тёплое время года одновременно можно видеть от 1 до 15-20 птиц этого вида. Сизую чайку изредка и в небольшом числе (1-3 особи) стали встречать в парке с середины 1980-х годов. Ещё позже, в последнее десятилетие, водоёмы парка стала посещать серебристая чайка. В отличие от водоёмов Екатерининского парка города Пушкина, где в настоящее время удаётся наблюдать большие скопления серебристой и сизой чайки, в Павловске встречаются либо одиночные особи, либо группы из 2-3 птиц. Увеличение численности этих сравнительно крупных чаек на прудах южных пригородных парков связывают обычно с деятельностью крупного полигона твёрдых бытовых отходов в окрестностях Гатчины (Новый Свет-Эко), который начал свою деятельность в 2005 году и привлекает на кормёжку сотни этих птиц.

С 1990 года на водоёмах Павловского парка в тёплое время года ежедневно можно видеть одновременно 1-4 охотящихся речных крачек

Sterna hirundo, которые в поисках корма летают над прудами и рекой Славянкой. Несмотря на то, что речная крачка не гнездится в Павловском парке, 11 июля 2018 зарегистрирован случай, когда взрослая птица кормила на Розовопавильонных прудах двух уже хорошо летающих слётков, несомненно, прилетевших сюда с водоёмов, расположенных по соседству с парком.

За 100 лет наблюдений на территории парка удалось зарегистрировать 3 вида голубей: вяхиря *Columba palumbus*, клинтуха *Columba oenas* и сизого *Columba livia*, – а также обыкновенную горлицу *Streptopelia turtur*. Из голубей наиболее обычным гнездящимся видом на протяжении последнего столетия был сизый голубь. Этот вид, по свидетельству Н.М.Жукова, был «обыкновенной, оседлой птицей Павловского парка» в начале XX века (Ильинский 2014). В период Великой Отечественной войны он исчез из парка, и в 1953-1955 годах его ещё здесь не было. Но уже в конце 1950-х годов, по мере быстрого роста популяции сизого голубя в Ленинграде (Санкт-Петербурге), он снова появился в Павловском парке (Божко 1972). Гнездится и сравнительно обычен сизый голубь здесь и в настоящее время.

Несмотря на то, что вяхирь был относительно обычен в окрестностях Санкт-Петербурга в конце XIX века (Бихнер 1884), его гнездование в Павловском парке в начале XX века, по наблюдениям Н.М.Жукова, лишь предполагалось. В отличие от Баболовского парка (Пушкин), где вяхирь был известен на гнездовье в 1950-е годы, в Павловском парке он тогда отсутствовал (Божко 1957, 1972). В 1960-1970-е годы численность вяхиря на всем Северо-Западе была особенно высокой (Мальчевский, Пукинский 1983). На этом фоне он появился на гнездовании и в Павловском парке. В 1978-1981 годы в парке гнездились 1-3 пары (Мальчевский, Ильинский 1978; Ильинский, Мальчевский 1984). На этом уровне его численность (с перерывами в отдельные годы) сохранялась до начала XXI века. Однако к 2016-2018 годам количество гнездящихся птиц (рис. 9) увеличилось в парке до 8-14 пар, что происходило параллельно с заселением вяхирем в течение последнего десятилетия зелёных насаждений Павловска. Не исключено, что увеличение численности вяхиря в парке связано не с увеличением численности местной популяции, населяющей естественные леса Ленинградской области, а с появлением особей из другой экологической группы, сформировавшейся в XIX-XX веках в западной и центральной Европе (Tomiałojć 1976; Luniak 2004; Vea *et al.* 2011; Fey *et al.* 2015; и др.), и постепенно распространившейся по Балтийскому региону. В пользу данной гипотезы может свидетельствовать «изменение» поведения вяхирей, гнездящихся теперь в парке, значительно отличающееся от поведения «диких» птиц: они менее пугливы по отношению к человеку и охотно заселяют участки парка, часто посещаемые людьми.

И в начале XX века, как это следует из наблюдений Н.М.Жукова (Ильинский, 2014), и в середине этого же столетия (Божко, 1957, 1972), клинтух был обычной, регулярно гнездящейся (до 3 пар) птицей Павловского парка. Однако в 1970-х годах в восточноевропейской популяции этого вида начался резкий спад численности (Мальчевский, Пукинский, 1983), что послужило причиной его исчезновения и в пригородных парках Санкт-Петербурга. Уже в 1978 году клинтух отсутствовал на гнездовании в Павловском парке (Мальчевский, Ильинский, 1978; Ильинский, Мальчевский, 1984). Не были найдены в парке клинтухи и во время учётов 1990 года. Вновь этот вид удалось обнаружить на территории Павловского парка лишь в 2016 году (одна гнездящаяся пара). В 2016-2018 годах пение самца этой пары можно было регулярно слышать на острове Ливен Розово-Павильонного пруда.

Рис. 9 (слева). Вяхирь *Columba palumbus* на гнезде. 14 июля 2016. Фото А.Ю.Кретовой.

Рис. 10 (справа). Бородатая неясыть *Strix nebulosa*. 19 мая 2018. Фото А.Ю.Кретовой.

Одна из первых встреч обыкновенной горлицы на территории современной Ленинградской области произошла в окрестностях Павловского парка. Это была молодая птица, добытая Н.М. Жуковым 20 сентября (3 октября) 1915 возле деревни Нововесь, граничащей с северной границей парка (Бианки 1917; Мальчевский, Пукинский 1983). До середины XX века обыкновенная горлица входила в группу случайных видов парка (Божко 1957). Но в мае 1954 года уже несколько горлиц было встречено в Павловском парке (Мальчевский, Пукинский 1983), а 20 июля 1955 в нём обнаружена семья горлиц с лётными молодыми (Божко 1972). С этого времени встречи 1-2 пар этих птиц наблюдались в парке на протяжении более 30 лет, но не каждый год. В 1992 году в районе Белой Берёзы двух горлиц видели 10 мая – это была последняя встреча *S.turtur* в Павловском парке. Исчезновение этого вида в парке совпало с падением его численности на всей территории европейской части России (Пчелинцев 1999; Белик, Мищенко 2017; и др.).

Рис. 11. Молодая кукушка *Cuculus canorus*, которую ещё кормила зарянка *Eruthacus rubecula*.
14 июля 2018. Фото А.Ю.Кретовой.

О размножении обыкновенной кукушки *Cuculus canorus* в Павловском парке известно по крайней мере с начала XX века благодаря наблюдениям Н.М.Жукова. 22 июля (4 августа) 1918 ему удалось найти гнездо лесной завирушки *Prunella modularis* с птенцом кукушки, чем было документально подтверждено размножение последнего вида в парке (Ильинский 2014). По свидетельству С.И.Божко (1972), в 1950-е годы численность кукушки даже в наиболее обширных пригородных

парках не превышала 1-2 самок и 2-3 самцов на парк. В частности, в 1955 году одна самка кукушки держала под контролем в Павловском парке весь район Новой Сильвии, Красной долины и Белой Берёзы. За редким исключением, кукушек удавалось слышать в парке во все годы до настоящего времени, а 14 июля 2018 в районе Белой Берёзы была встречена молодая кукушка, которую ещё кормила зарянка *Erithacus rubecula* (рис. 11).

В Павловском парке за 100-летний период наблюдений было зарегистрировано 9 видов сов, из них только для 3 видов отмечены случаи гнездования. На протяжении всего времени в Павловском парке была обычна ушастая сова *Asio otus*. По свидетельству Н.М.Жукова, ушастая сова принадлежала в начале XX столетия к обыкновенным гнездящимся птицам Павловского парка и его окрестностей, встречалась здесь и зимой (Ильинский 2014). Во второй половине XX (Божко 1972, 1972; Мальчевский, Ильинский 1978; Мальчевский, Пукинский 1983; Ильинский и др. 1990) и начале XXI века ушастая сова была самым многочисленным, регулярно гнездящимся видом сов Павловского парка, но при этом её численность изменялась от года к году. Так, 1978 год был годом обилия ушастых сов в парке, их в этот год гнездились здесь 8-10 пар. При этом совы заняли практически все районы парка, а за одну ночную экскурсию 12 июня удалось встретить 6 выводков ушастых сов (Мальчевский, Ильинский 1978). В 1990 году в парке выявлено только 4 пары сов, в 2017 – 1, а в 2018 – 2 пары, но только один выводок удалось зарегистрировать.

Серая неясыть *Strix aluco*, наряду с ушастой совой, входит в группу сов, наиболее распространённых в парках Санкт-Петербурга (Божко 1972; Пчелинцев 2002; Храбрый 2015). В начале XX века, до 1918 года, этот вид был добыт Н.М.Жуковым в Павловском парке всего два раза: взрослая самка – в мае 1915 года, и взрослый самец – 22 декабря 1915 (4 января 1916) (Ильинский, 2014). В последующие годы неясыть присутствовала в парке в течение всей второй половины XX века. При этом в 1953-1992 годах здесь гнездилась лишь одна пара серой неясыти (в 1992 году новое гнездо находилось в 1 км от места расположения гнездового дупла предыдущих лет). Несмотря на то, что в течение 1990-х годов неясыть ещё постоянно встречалась в парке, в 2016-2018 годах, несмотря на специальные поиски, обнаружить в парке серую неясыть не удалось.

Длиннохвостая неясыть *Strix uralensis* – сравнительно обычный гнездящийся вид для Ленинградской области (Мальчевский, Пукинский 1983; Пчелинцев 2017), во второй половине XX столетия освоил он и пригородные парки. Однако в Павловском парке встречи длиннохвостой неясыти редки. Н.М.Жуков сообщил о единственном случае, когда длиннохвостую неясыть застрелили в окрестностях парка – это

произошло 22 февраля (6 марта) 1918 (Ильинский 2014). В другой раз эта неясыть была обнаружена в парке лишь через 75 лет – её удалось услышать в южной части парка 4 апреля 1993; а 26 сентября 2000 на этом же участке парка был встречен выводок длиннохвостой неясыти (письменное сообщение В.Г.Пчелинцева). В январе 2012 года длиннохвостая неясыть была дважды встречена И.В.Ильинским в парке Марриенталь, пограничном с Павловским парком.

Бородатую неясыть *Strix nebulosa*, самую редкую из неясытей в Ленинградской области (Мальчевский, Пукинский 1983; Пчелинцев 2017), в начале XX столетия Н.М.Жуков добывал в Павловском парке трижды: 5 (18) мая и 8 (21) декабря 1915, а также 11 (24) января 1916 (Ильинский 2014). Следующая встреча этого вида случилась лишь через 100 лет – 19 мая 2018 в районе Большой Звезды была обнаружена взрослая бородатая неясыть, которую окрикивали серые вороны и дрозды. Её удалось сфотографировать (рис. 10). Обращает на себя внимание плохое состояние оперения совы; не исключено, что эта неясыть незадолго до встречи её в парке содержалась в неволе.

Все встречи воробьиного сычика *Glaucidium passerinum* в Павловском парке приходятся на два коротких периода с интервалом в три четверти века. Первоначально Н.М.Жуков обнаружил парочку сычиков в январе 1915 года на северной окраине Павловского парка, где они охотились на чечётку *Acanthis flammea*; один из этих сычей был пойман; ещё один сычик добыт 6 (19) марта 1916 (Ильинский 2014). В марте-апреле 1991 года в Долине Прудов снова удалось увидеть воробьиного сычика и услышать его брачные крики. Ещё раз голос этой совы был зарегистрирован в Долине Прудов 19 марта 1992 (сообщение С.В.Меньшиковой).

Лишь для начала XX века, благодаря наблюдениям Н.М.Жукова (Бианки 1917, 1923; Ильинский 2014), известны случаи посещения Павловского парка филином *Bubo bubo* – 30 января 1918, болотной совой *Asio flammeus* – 20 ноября (3 декабря) 1913, мохноногим сычом *Aegolius funereus* – в середине декабря 1912 года и 13 (26) марта 1916 и сплюшкой *Otus scops*, выводок которой отмечен в парке в августе 1915 года.

Н.М.Жуков оставил свидетельство, что в начале XX века чёрный стриж *Apus apus* был обычным гнездящимся видом Павловска и его окрестностей (Ильинский 2014). Можно предполагать, что он гнездился в это время и в строениях Павловского парка, как делал это в 1950-е и во все последующие годы (Божко 1957, 1972; Мальчевский, Ильинский 1978, Ильинский, Мальчевский 1984) до настоящего времени.

Единственного представителя ракшеобразных на территории Павловского парка – голубого зимородка *Alcedo atthis* – видели всего три раза: впервые он был встречен Н.М.Жуковым на реке Славянке осенью

1915 года, где держался весь сентябрь (Ильинский 2014). Следующая регистрация состоялась лишь 20 сентября 2017 – зимородок встречен на реке Славянке у Висконтиева моста. В 2018 году зимородок отмечен 27 июля на реке у Горбатого моста, недалеко от которого есть подходящий для размножения данного вида участок реки с песчаным обрывистым берегом, но гнездовой норы найти не удалось.

Из всех дятлов, встречающихся в Ленинградской области, большой пёстрый дятел *Dendrocopos major* – самый многочисленный и самый пластичный в кормовом поведении (Мальчевский, Пукинский 1983). Тем не менее, по оценке Н.М.Жукова, в начале XX века этот дятел был редким видом Павловского парка в гнездовой период, но обычным зимой (Ильинский 2014). В настоящее время большой пёстрый дятел является обыкновенным гнездящимся видом городских и пригородных парков, что, по-видимому, для данного вида стало обычным только во вторую половину XX века. В Павловском парке количество гнездящихся пар возросло с 10 пар в 1978 году до 15-17 пар в 1990 году и 25-30 пар в 2016-2018 годах, что указывает на положительную динамику численности вида, идущую одновременно с процессом его синантропизации. В настоящее время этот вид не только гнездится в городской черте, но и кормится на кормушках во время зимовки и в период выкармливания птенцов (рис. 12). Отмечены в Павловском парке и случаи попрошайничества больших пёстрых дятлов и даже кормление их с рук (рис. 13). Наблюдался интересный случай, когда самка брала предложенные ей семечки с руки, а затем кормила ими слётков, следующих за ней.

Рис. 12 (слева). Большой пёстрый дятел *Dendrocopos major* кормится на кормушке. 22 февраля 2018. Фото А.Ю.Кретовой.

Рис. 13 (справа). Большой пёстрый дятел *Dendrocopos major* берёт корм с руки. 13 июня 2016. Фото А.Ю.Кретовой.

Гнездование малого пёстрого дятла *Dendrocopos minor* в периферийных парках Санкт-Петербурга известно уже не менее 30-40 лет (Мальчевский, Пукинский 1983; Храбрый 1991). Не менее длительное время гнездится этот дятел и на участках с древесной растительностью в городе Павловске, но в Павловском парке документально подтвердить его гнездование удалось лишь в 2016 году, когда здесь удалось найти дупло с птенцами. Вылет птенцов из этого гнезда, найденного в районе Большой Звезды, произошёл между 14 и 20 июня. Не покинул малый пёстрый дятел этот участок и в 2017-2018 годы (рис. 14).

Рис. 14. Малый пёстрый дятел *Dendrocopos minor*.
13 июня 2016. Фото А.Ю.Кретовой.

В начале XX века Н.М.Жуков видел белоспинного дятла *Dendrocopos leucotos* на территории парка всего один раз – в августе 1914 года (Ильинский 2014). С.И.Божко вообще не удалось встретить дятлов этого вида в пригородных парках в период гнездования (Божко 1957, 1972). Лишь в 1978 году было установлено, что одна пара белоспинных дятлов в гнездовой период держалась в Павловском парке на пограничном участке между Старой и Новой Сильвией, а в июле-августе одиночных птиц можно было встретить в Долине Прудов и в районе Белой Берёзы. В апреле-мае 1991 года белоспинного дятла вновь видели в Старой Сильвии. В сентябре 2017 года и в феврале 2018 года дятлов этого вида встречали в районе Большой Звезды (рис. 15). В очередной раз, 22 июля 2018, самка белоспинного дятла встречена в районе Белой Берёзы, а 26 июля на юго-восточной окраине парка наблюдались два ещё совместно державшихся слётка белоспинного дятла. Таким образом, постепенно накапливается всё больше свидетельств о встречах белоспинных дятлов в парке как в осенне-зимний, так и в гнездовой период, но находки гнёзд до сих пор отсутствуют.

Рис.17. Белоспинный дятел *Dendrocopos leucotos*.
22 февраля 2018. Фото А.Ю.Кретовой.

В отличие от начала XX века, когда чёрный дятел *Dryocopus martius*, по свидетельству Н.М.Жукова, был обыкновенным зимующим видом Павловского парка (Ильинский 2014), он не был встречен здесь в гнездовой сезон в середине XX столетия (Божко 1057, 1972). В последующие годы этот дятел крайне редко встречался в парке, и только вне сезона размножения. Одна такая встреча произошла 22 июля 1990, когда птица была встречена в районе Новой Сильвии.

До сих пор известна единственная встреча в Павловском парке седого дятла *Picus canus*. Он добыт в парке 21 ноября 1954. Это была взрослая самка, которую обнаружили на участке старого леса в центральной части парка; тушка этой особи хранится в коллекции кафедры зоологии позвоночных Санкт-Петербургского университета.

В Санкт-Петербурге зелёный дятел *Picus viridis* чаще всего встречается в парках вдоль южного берега Финского залива (Фёдоров, Носков 2004). В 2003 году пара зелёных дятлов впервые зарегистрирована в Павловском парке в районе Старой Сильвии, однако их гнездование установить не удалось. В июне 2004 года на опушке леса возле Розового павильона зелёного дятла видела Т.П.Дьяконова (устн. сообщ.). О зимней встрече зелёного дятла в Павловском парке (без указания даты) сообщается в сводке А.С.Мальчевского и Ю.Б.Пукинского (1983).

По свидетельству Н.М.Жукова (Бианки 1917; Ильинский 2014), в начале XX века трёхпалый дятел *Picoides tridactylus* был редким зимующим видом Павловского парка. После этого единственная встреча трёхпалого дятла на территории парка (на небольшом участке елового леса в районе Белой Берёзы) была зарегистрирована лишь зимой 2000 года (Т.П.Дьяконова, устн. сообщ.). В начале XXI столетия этот участок древостоя был основательно прорежен в результате санитарных рубок.

По поводу вертишейки *Jynx torquilla* Н.М.Жуков в черновике статьи о птицах Павловского парка и его окрестностей написал, что это «гнездящаяся обыкновенная птица в окрестностях Павловска; 22 июня (5 июля) 1914 года отмечена молодая птица при стариках» (Ильинский, 2014). Сравнительно регулярно этот вид встречался в гнездовое время в парке (1-3 пары) до начала 1990-х годов (Божко 1957, 1972; Мальчевский, Ильинский 1978; Ильинский и др. 1990). В 1990 году в центральной части района Белой Берёзы найдено гнездо этого вида. Падение численности вертишейки в Ленинградской области, которое было заметно уже на рубеже 1970-1980-х годов (Мальчевский, Пукинский 1983), в 1990-х годах приобрело отчётливый характер и проявилось на обширной территории (Mikusinski, Angelstam 1997). В 2016-2018 годах вертишейка в парке встречена всего один раз – 22 июня 2016 в северной части района Белой Берёзы, примыкающей к огородным участкам к востоку от деревни Нововесь.

Таким образом, за период с начала XX века по настоящее время на территории Павловского парка зарегистрировано 58 видов неворобьиных птиц (см. таблицу), относящихся к 13 отрядам и 17 семействам. Из них за последнее столетие хотя бы в течение одного сезона размножения в парке гнездились 26 видов.

Аннотированный список неворобьиных птиц Павловского парка

№	Название вида	Характер пребывания в Павловском парке
Отряд Курообразные Galliformes		
1	<i>Lyrurus tetrix</i> Тетерев	Встреча (ед.) – апр. 1978
2	<i>Tetrao urogallus</i> Глухарь	Встреча (ед.) – март 2001 (Дьяконова 2004)
Отряд Гусеобразные Anseriformes		
3	<i>Anser albifrons</i> Белолобый гусь	Встреча (ед.) – окт. 1992
4	<i>Anas penelope</i> Свистуха	Встречи – апр. и окт. 2018
5	<i>Anas crecca</i> Чирок-свистунок	Встреча (ед.) – сент. 2018
6	<i>Anas strepera</i> Серая утка	Встреча (ед.) – окт. 2004
7	<i>Anas platyrhynchos</i> Кряква	Гнезд. – 1978-2018; зимн. встречи – с 1950-х
8	<i>Anas clypeata</i> Широконоска	Встреча (ед.) – апр. 2017
9	<i>Aythya fuligula</i> Хохлатая черныш	Гнезд. – 1990-2018
10	<i>Bucephala clangula</i> Гоголь	Гнезд. – 2016-2018
Отряд Аистообразные Ciconiiformes		
11	<i>Ciconia ciconia</i> Белый аист	Встречи (ед.) – апр. 1915, июль 2018
Отряд Поганкообразные Podicipediformes		
12	<i>Podiceps auritus</i> Красношейная поганка	Гнезд. – 2016
Отряд Соколообразные Falconiformes		
13	<i>Falco tinnunculus</i> Пустельга	Гнезд. – 1950-1978, возможно до 1981
14	<i>Falco vespertinus</i> Кобчик	Встреча (ед.) – апр. 1915
15	<i>Falco columbarius</i> Дербник	Гнезд. – 1913, 2009, 2016-2018
16	<i>Falco subbuteo</i> Чеглок	Гнезд. (нерегулярно - ?) – 1990-2018
17	<i>Falco peregrinus</i> Сапсан	Встреча (ед.) – май 2007
18	<i>Pernis apivorus</i> Осоед	Встречи (выводок -?) – июль-авг. 1916
19	<i>Accipiter nisus</i> Перепелятник	Встречи (во все сезоны года) – 1913-2018
20	<i>Accipiter gentilis</i> Тетеревятник	Гнезд. (1992-2018); регул. зимн. встречи – с 1970-х

Продолжение таблицы

№	Название вида	Характер пребывания в Павловском парке
21	<i>Buteo buteo</i> Канюк	Гнезд. – 2018; встречи (нерегул. летн.) – 1950-2010-е
22	<i>Buteo lagopus</i> Зимняк	Встречи – весна 2015
Отряд Журавлеобразные Gruiformes		
23	<i>Crex crex</i> Коростель	Гнезд. (нерегул.) - с 1950-х
24	<i>Gallinula chloropus</i> Камышница	Гнезд. – 2016-2018; встречи (нерегул.) – с 1990
25	<i>Fulica atra</i> Лысуха	Гнезд. – 2018; встречи (нерегул.) – с 1991
Отряд Ржанкообразные Charadriiformes		
26	<i>Vanellus vanellus</i> Чибис	Встречи (нерегул., в летн. время) – с 1981
27	<i>Scolopax rusticola</i> Вальдшнеп	Гнезд. – 2018; встречи (ток самцов) – 1970-2010-е
28	<i>Gallinago gallinago</i> Бекас	Гнезд. возможно; встречи (ток самцов) – 1990-2018
29	<i>Tringa ochropus</i> Черныш	Гнезд. – 1953; ед. встречи в летн. время с 1950-х
30	<i>Actitis hypoleucos</i> Перевозчик	Гнезд. – 1960; с 1950-х – возможно гнезд. до 1-3 пар
31	<i>Larus canus</i> Сизая чайка	Встречи (нерегулярн. летние) – с 1980-х
32	<i>Larus argentatus</i> Серебристая чайка	Встречи (нерегулярн., летние) – 2010-е
33	<i>Larus ridibundus</i> Озёрная чайка	Встречи (регулярн., летние) – с 1970-х
34	<i>Sterna hirundo</i> Речная крачка	Встречи (регулярн., летние) – с 1990
Отряд Голубеобразные Columbiformes		
35	<i>Columba livia</i> Сизый голубь	Гнезд. – последние 100 лет (перерыв в 1940-1950-е)
36	<i>Columba oenas</i> Клинтух	Гнезд. – 1910-1950-е; 2016-2018
37	<i>Columba palumbus</i> Вяхирь	Гнезд. – 1970-е – 2018; предполагалось в нач. XX в.
38	<i>Streptopelia turtur</i> Горлица	Гнезд. (нерегул.) – 1955-1990, встречи – с 1915
Отряд Кукушкообразные Cuculiformes		
39	<i>Cuculus canorus</i> Кукушка	Гнезд. (нерегул.) – 1918-2018
Отряд Совообразные Strigiformes		
40	<i>Otus scops</i> Сплюшка	Встречи (молодые птицы) – авг. 1915
41	<i>Bubo bubo</i> Филин	Встреча – 30 янв. 1918
42	<i>Strix aluco</i> Серая неясыть	Гнезд. (нерегул.) – 1950-1990-е; встречи – с 1915
43	<i>Strix uralensis</i> Длиннохвостая неясыть	Встречи – апр. 1993 и сент. 2000 (молодые птицы)
44	<i>Strix nebulosa</i> Бородатая неясыть	Встречи (ед.) – янв. 1916 и май 2018
45	<i>Aegolius funereus</i> Мохноногий сыч	Встреча (ед.) – март 1916
46	<i>Glaucidium passerinum</i> Воробьиный сыч	Встречи – янв. 1915, март-апр. 1991-1992
47	<i>Asio otus</i> Ушастая сова	Гнезд. 1913-2018 (1-8 пар); известны зимние встречи
48	<i>Asio flammeus</i> Болотная сова	Встреча (ед.) – нояб. 1913
Отряд Стрижеобразные Apodiformes		
49	<i>Apus apus</i> Чёрный стриж	Гнезд. – вероятно, 1913-2018
Отряд Ракшеобразные Coraciiformes		
50	<i>Alcedo atthis</i> Зимородок	Встречи (ед.) – сент. 1915, сент. 2017 и июль 2018
Отряд Дятлообразные Piciformes		
51	<i>Jynx torquilla</i> Вертишейка	Гнезд. (1-3 пары) – 1913-2010-е; встреча - июнь 2016
52	<i>Dendrocopos minor</i> Малый пёстрый дятел	Гнезд. – 2016-2018 г.; нерег. встречи – с 1913
53	<i>Dendrocopos leucotos</i> Белоспинный дятел	Встречи (нерег.) с сент. 1914, в гнезд. сезон с 1978)
54	<i>Dendrocopos major</i> Большой пёстрый дятел	Гнезд. – вероятно, 1913-2018; регул. зимн. встречи
55	<i>Picoides tridactylus</i> Трёхпалый дятел	Встречи (ед.) – янв. и дек. 1913, осень 1914, зима 2000
56	<i>Dryocopus martius</i> Желна	Встречи (нерегул., ед.) – в осенн-зимн время
57	<i>Picus viridis</i> Зелёный дятел	Встречи – в весен.-летн. период 2003 и 2004
58	<i>Picus canus</i> Седой дятел	Встреча (ед.) – ноябр. 1954

Примечание: перечень таксонов соответствует сводке Е.А.Коблика и В.Ю.Архишова (2014).

Благодаря наблюдениям Н.М.Жукова известно, что в 1914-1918 годы в Павловском парке гнездились 7 видов неворобьиных птиц: дербник, сизый голубь, клинтух, кукушка, ушастая сова, чёрный стриж и большой пёстрый дятел (Бианки 1917, 1923; Ильинский 2014). Из них

в последующем регулярно на протяжении 100 лет в парке гнездились только 5 видов. В течение XX века и начала XXI века на гнездовании в парке в разное время появились 19 новых, не отмеченных ранее видов, из которых в 2016-2018 годы гнездились 12 видов. У 6 видов этой группы (кряква, хохлатая чернеть, гоголь, тетеревиный, камышница, вяхирь) в последние годы наблюдается тенденция к увеличению численности. Наряду с этим, 5 видов (пустельга, черныш, горлица, серая неясыть, вертишейка), гнездившиеся в парке в 1950-1990-е годы, не были обнаружены на гнездовании в 2016-2018 годах. Для 20 видов есть данные о единичных встречах вне сезона размножения (таблица), из них 3 вида (осоед, сплюшка и длиннохвостая неясыть) были встречены во второй половине лета, но вместе с молодыми птицами. Новыми для фауны Павловского парка, по сравнению с началом XX века, являются и некоторые летующие виды (озёрная чайка, речная крачка).

В 2016-2018 годы фауна неворобьиных птиц была представлена в парке 37 видами (таблица). При этом гнездование было доказано для 18 видов: из них для 12 видов размножение в парке удалось подтвердить находкой гнезда, для 6 – встречами нелётных или плохо летающих молодых птиц. Гнездование ещё 5 видов (коростеля, клинтуха, перевозчика, бекаса и белоспинного дятла) в парке вполне вероятно, но остаётся не подтверждённым, так как не было найдено ни гнезда, ни слётков, но эти птицы регулярно регистрировались в гнездовой сезон в подходящих для гнездования биотопах, здесь же можно было видеть токующих самцов или было отмечено беспокойство взрослых птиц. По сравнению с началом XX века, гнездовая фауна неворобьиных птиц в Павловском парке к началу XXI века значительно увеличилась. В первую очередь это произошло в результате вселения новых видов, проявивших в последние десятилетия склонность к синантропизации, среди которых есть как охотничьи виды (кряква, хохлатая чернеть, вальдшнеп, вяхирь и др.), так и виды, ранее подвергавшиеся активному преследованию со стороны человека (ястреб-тетеревиный).

Л и т е р а т у р а

- Белик В.П., Мищенко А.Л. 2017. Обыкновенная горлица *Streptopelia turtur* на пути к исчезновению // *Рус. орнитол. журн.* **26** (1538): 5259-5262.
- Бианки В.Л. 1917. Третье дополнение к списку птиц Петроградской губернии 1907 г. и новые данные о более редких видах // *Ежегодник Зоол. музея Акад. наук* **21**: VI-XV.
- Бианки В.Л. 1923. Четвёртое и последнее дополнение к «Списку птиц С.-Петербургской губернии» 1907 года и новые данные о более редких видах // *Ежегодник Зоол. музея Акад. наук* **24**: 124-139.
- Бибби К., Джонс М., Марсен С. 2000. *Методы полевых экспедиционных исследований. Исследования и учёт птиц*. М.: 1-186.
- Бихнер Е.А. 1884. Птицы С.-Петербургской губернии: Материалы, литература и критика // *Тр. С.-Петерб. общ-ва естествоиспыт.* **14**, 2: 359-624.
- Божко С.И. 1957. Орнитофауна парков Ленинграда и его окрестностей // *Вестн. Ленинград. ун-та* **15**: 38-52.

- Божко С.И. 1972. *Анализ орнитофауны парков лесной зоны Восточной Европы*. Автореф. дис. ... канд. биол. наук. Л.: 1-20.
- Ботаническое исследование Павловского парка: 1946 г.* Материалы из архива Научно-вспомогательного кабинета Павловского парка и музея. Шкаф IX. 6.23.99. Инв. № 11 868/1-2.
- Высоцкий В.Г. 2002. Красношейная поганка *Podiceps auritus* (L.) // *Красная книга природы Ленинградской области*. Том 3. Животные. СПб: 339-340.
- Дьяконова Т.П. 2004. Встреча глухаря *Tetrao urogallus* в Павловском парке (пригород Санкт-Петербурга) // *Рус. орнитол. журн.* **13** (257): 320.
- Дьяконова Т.П. 2007. Встреча сапсана *Falco peregrinus* в Павловском парке (Санкт-Петербург) // *Рус. орнитол. журн.* **16** (362): 783-784.
- Дьяконова Т.П. 2009. Гнездование дербника *Falco columbarius* в Павловском парке // *Рус. орнитол. журн.* **18** (512): 1621-1622.
- Ильинский И.В. 2014. Н.М. Жуков и его вклад в изучение птиц Павловского парка и окрестностей // *Рус. орнитол. журн.* **23** (965): 355-378.
- Ильинский И.В., Мальчевский А.С. 1984. Летняя орнитофауна Павловского парка: история, современное состояние // *Птицы и урбанизированный ландшафт*. Каунас: 59-61.
- Ильинский И.В., Фетисов С.А., Фёдоров В.А., Семёнова С.В. 1990. *Летнее население птиц Павловского парка: численность и распределение по территории (по данным наблюдений 1990 года)*. Науч. отчёт по хоз. договору № 795; (архив каф. зоол. позвоночных СПбГУ): 5-48 (рукопись).
- Иовченко Н.П. 2015а. Значение водно-болотных угодий Санкт-Петербурга для сохранения популяций некоторых редких видов птиц, обитающих на границе ареала // *Рус. орнитол. журн.* **24** (1157): 2202-2209.
- Иовченко Н.П. 2015б. Современное распространение и новые данные по размножению и миграциям камышницы *Gallinula chloropus* у северной границы ареала на Северо-Западе России // *Рус. орнитол. журн.* **24** (1144): 1763-1769.
- Коблик Е.А., Архипов В.Ю. 2014. Фауна птиц стран Северной Евразии в границах бывшего СССР: списки видов // *Зоологические исследования*. М., **14**: 1-171.
- Ковязин В.Ф., Кан Ким Хынг, Фам Тхи Куинь. 2016. Видовое разнообразие древесно-кустарниковых растений в Павловском парке Санкт-Петербурга // *Сб. публ. науч. журн. «Globus» по материалам 5-й междунаро. науч.-практ. конф.: «Достижения и проблемы современной науки»*. СПб., **2**: 17-21.
- Кузиков И.В. 2016. Красношейная поганка *Podiceps auritus* в парках Пушкина и Гатчины // *Рус. орнитол. журн.* **25** (1327): 3103-3106.
- Кучумов А.М., Величко М.А. 1976. *Павловск. Дворец и парк*. Л.: 1-448.
- Лобанов С.Г. 2001. Из орнитологических наблюдений в Санкт-Петербурге и его окрестностях в 2001 году // *Рус. орнитол. журн.* **10** (169): 1060-1063.
- Мальчевский А.С., Ильинский И.В. 1978. *Птицы Павловского парка*. Науч. отчёт по теме «Обследование животного мира и растительности Павловского парка» (хоз. договор № 737); архив каф. зоол. позвоночных СПбГУ: 10-66 (рукопись).
- Мальчевский А.С., Пукинский Ю.Б. 1983. *Птицы Ленинградской области и сопредельных территорий: история, биология, охрана*. Л., **1**: 1-480.
- Мищенко А.Л., Суханова О.В. 2000. Результаты двухлетнего проекта «Учёт коростеля в Европейской России» // *Коростель в Европейской России: численность и распространение*. М.: 147-169.
- Мищенко А.Л., Суханова О.В. 2011. Некоторые особенности экологии коростеля в условиях современного сельского хозяйства // *Вестн. Балт. ун-та им. И.Канта* **7**: 72-79.
- Носков Г.А., Рымкевич Т.А., Гагинская А.Р. 2015. Орнитофауна Санкт-Петербурга: история изучения, современный состав, задачи охраны // *Биосфера* **7**, 1: 80-95.
- Попов И.Н., Сахаров А.С. 2017. Гнездование красношейной поганки *Podiceps auritus* в Екатерининском парке города Пушкина // *Рус. орнитол. журн.* **26** (1495): 3716-3721.

- Пчелинцев В.Г. 1999. О горлице *Streptopelia turtur* в Ленинградской области // *Рус. орнитол. журн.* 8 (81): 22-23.
- Пчелинцев В.Г. 2002. Распределение и численность некоторых видов сов в пригородных парках Санкт-Петербурга // *Птицы и млекопитающие Северо-Запада России (эколого-фаунистические исследования)*. СПб.: 121-127.
- Пчелинцев В.Г. 2003. Хищные птицы в пригородных парках Санкт-Петербурга // *Материалы 4-й конф. по хищным птицам Северной Евразии*. Пенза: 238-240.
- Пчелинцев В.Г. 2017. Современное размещение и численность сов на территории Ленинградской области // *Рус. орнитол. журн.* 26 (1407): 649-659.
- Столярова И.В., Бардин А.В. 2018. Гнездование чомги *Podiceps cristatus* и красношейной поганки *Podiceps auritus* в Екатерининском парке города Пушкина // *Рус. орнитол. журн.* 27 (1646): 3597-3609.
- Фёдоров В.А., Носков Г.А. 2004. Зелёный дятел *Picus viridis* (L.) // *Красная книга природы Санкт-Петербурга*. СПб.: 114-145.
- Фёдоров Д.Н. 2008. О гнездовании дербника *Falco columbarius* в Санкт-Петербурге // *Рус. орнитол. журн.* 17 (394): 31.
- Фридман В.С., Ерёмкин Г.С. 2008. Урбанизация «диких» видов птиц в контексте эволюции урболандшафта. М.: 1-138.
- Храбрый В.М. 1991. Птицы Санкт-Петербурга: фауна, размещение, охрана // *Тр. Зоол. ин-та АН СССР* 236: 1-276.
- Храбрый В.М. 2001. Заметки о редких, малочисленных и малоизученных птицах Ленинградской области // *Рус. орнитол. журн.* 10 (131): 87-93.
- Храбрый В.М. 2007. Птицы // *Природа Елагино острова*. СПб.: 76-94.
- Храбрый В.М. 2015. *Птицы Петербурга. Иллюстрированный справочник*. СПб.: 1-463.
- Храбрый В.М., Шишкин А.А. 2006. Материалы по распространению хищных птиц на территории Санкт-Петербурга // *Рус. орнитол. журн.* 15 (326): 711-720.
- Чиринскайте Л.И. 2006. Гнездование гоголя *Viscerphala clangula* в Гатчинском парке // *Рус. орнитол. журн.* 15 (322): 603-605.
- Bea A., Svazas S., Grishanov G., Kozulin A., Stanevicius V., Astafieva T., Olano I., Raudonikis L., Butkauskas D., Sruoga A. 2011. Woodland and urban populations of the woodpigeon *Columba palumbus* in the Eastern Baltic Region // *Ardeola* 58, 2: 315-321.
- Büchner E., Pleske Th. 1881. Beitrage zur Ornithologie des St. Petersburger Gouvernements // *Beitrage zur Kenntniss des Russ. Reichs*, Folge 2, 4: 53-178.
- Fey K., Vuorisalo T., Lehtikoinen A., Selonen V. 2015. Urbanisation of the wood pigeon (*Columba palumbus*) in Finland // *Landscape and Urban Planning* 134: 188-194.
- Luniak M. 2004. Synurbization – adaptation of animal wildlife to urban development // *Proc. 4th Int. Symp. Urban Wildl. Conserv.* Tucson: 50-55.
- Mikusinski G., Angelstam P. 1997. European woodpecker and anthropogenic habitat change: a review // *Vogelwelt* 118: 227-283.
- Ralph C.J., Geupel G.R., Pyle P., Martin T.E., DeSante D.F. 1993. *Handbook of field methods for monitoring landbirds*. Albany: 1-41.
- Russow V. 1880. *Die Ornithologie Liv-, und Curland's mit besonderer Berücksichtigung der Zug- und Brutverhältnisse*. Dorpat: 1-216.
- Tomiałojć L. 1976. The urban population of the woodpigeon *Columba palumbus* Linnaeus, 1758, in Europe – its origin, increase and distribution // *Acta zool. cracoviensia* 21, 18: 585-632.

Новые сведения о распространении широкохвостой камышевки *Cettia cetti* в Краснодарском крае

П.А.Тильба, Р.А.Мнацеканов, Т.В.Короткий

Пётр Арнольдович Тильба. ФГБУ «Сочинский национальный парк». E-mail: ptilba@mail.ru

Роман Астакетович Мнацеканов. Обособленное подразделение WWF России

«Российский Кавказ». E-mail: ramnatsekanov@mail.ru

Тимур Владимирович Короткий. ООО «НК «Роснефть» - НТЦ. E-mail: timcorv@yandex.ru

Поступила в редакцию 12 апреля 2019

Широкохвостая камышевка *Cettia cetti* – активно расселяющийся вид на юге России. Расширение её ареала, освоение птицами всё новых территорий происходит быстрыми темпами, особенно в последнее время. Считается, что в пределы Северного Кавказа этот вид первоначально проник из Закавказья и его дальнейшее распространение наблюдается в западном направлении (Белик 2012).

В настоящей работе обобщены данные о регистрациях широкохвостой камышевки на территории Краснодарского края, представленные в литературных источниках, а также оригинальные сведения авторов, полученные во время специальных поисков этого вида в 2014-2018 годах в подходящих местообитаниях степных и плавневых районов с использованием звуковых аттрактантов.

В Предкавказье широкохвостая камышевка начала регулярно регистрироваться в середине XX века (Моламусов 1967; Чунихин 1962). К 1980-1990-м годам она была уже обычна в некоторых районах этого региона, в частности в Чечне (Гизатулин, Хохлов 2001; Гизатулин и др. 2001), Ставропольском крае (Хохлов 1991, 1993), а в 1993 году зарегистрирована в Ростовской области (Белик 1994). В начале 2000-х годов этот вид был найден в предгорных районах Карачаево-Черкесии у города Черкесска (Караваев 2002, 2006); в 2010 году зарегистрирован у границы с Краснодарским краем в низовье реки Большой Зеленчук у аула Кызыл-Тогай (Хохлов и др. 2010).

В Краснодарском крае первые сведения о встрече широкохвостой камышевки относятся к экспедиции К.Н.Россыкова (1890), упоминающего о добыче экземпляра *Cettia sericea* Natter в июне 1888 года во время обследования низовий рек Пшиш, Белая и Лаба. Однако многие последующие исследователи, посещавшие, а также долгое время работавшие в Западном Предкавказье, в своих публикациях о ней не упоминали (Жарко 1909; Кистьяковский 1932; Очаповский 2017; Лебедева и др. 2000; Динкевич 2001). Вероятно, регистрацию широкохвостой

камышевки К.Н.Россиковым следует отнести к проявлению пульсации её ареала, если не принимать во внимание возможную ошибку в определении этого вида.

В начале XX века широкохвостая камышевка была отмечена на Черноморском побережье (рис. 1), где 16 мая 2006 два поющих самца выявлены по голосу в дренажных каналах с водной растительностью на Имеретинской низменности в окрестностях Адлера (Хохлов, Ильюх 2007). Но в дальнейшем (с 2007 по 2018 год) отслеживание нами возможного её присутствия в этом районе не дало положительных результатов.

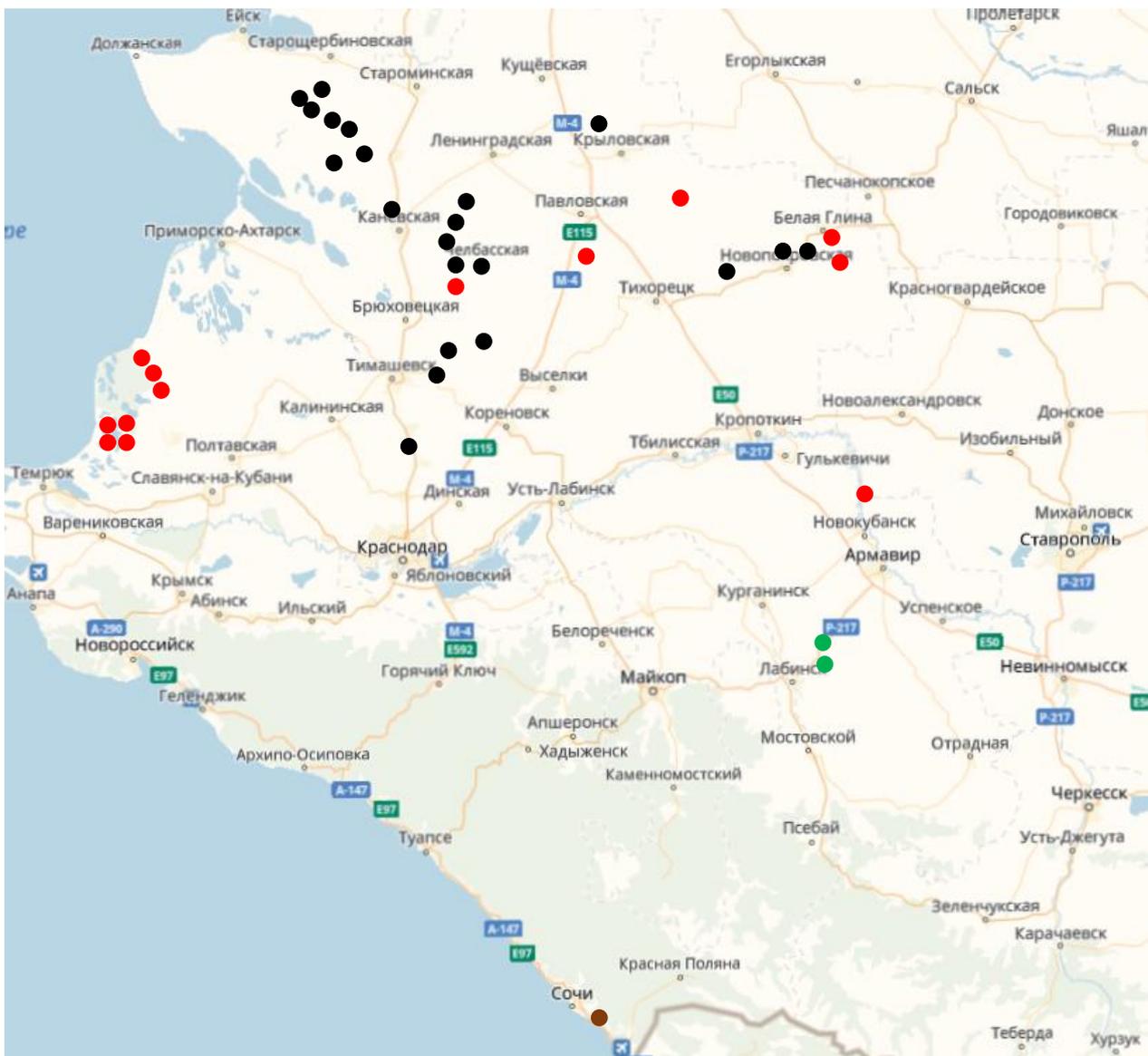

Рис. 1. Весенне-летние находки широкохвостой камышевки *Cettia cetti* в Краснодарском крае.
● – 2006 год (Хохлов, Ильюх 2007); ● – 2011, 2013 и 2018 годы (Забашта 2018);
● – 2015, 2017 и 2018 годы (данные авторов); ● – 2018 г (устное сообщение В.П. Белика)

С 2011 года широкохвостая камышевка стала регистрироваться в некоторых равнинных районах восточной и центральной частей Краснодарского края. Её присутствие обнаружено в апреле 2011 года в ни-

зовьях реки Меклета (Белоглинский район). Там же в апреле 2013 года в степной балке вдоль расположенного по соседству искусственного лесного массива учтено 10 поющих особей. В 2011 году птицы также встречены у станицы Новопашковская Крыловского района и в Новопокровском лесу (Новопокровский район). В начале мая 2018 года этот вид выявлен ещё более чем в 10 точках северных и центральных районов Краснодарского края (Забашта 2018).

Одиночная широкохвостая камышевка отмечена нами 2 мая 2015 неподалёку от восточной границы со Ставропольским краем, у села Камышеваха Новокубанского района. Птица не подавала голос и придерживалась редких тростников заболоченного участка небольшой речки (Тильба и др. 2017).

В конце апреля – начале мая 2018 года широкохвостая камышевка наблюдалась нами во многих других северных районах Краснодарского края. 29 апреля 2018 она отмечена у станицы Новопавловская (Белоглинский район) в высоких прибрежных тростниковых зарослях с отдельными деревьями ивы у реки Меклета. В тот же день ещё одна птица обнаружена у хутора Меклета в степной балке рядом с массивом искусственного леса. Она придерживалась участка с чередованием тростника, высокотравья, кустарников, плодовых деревьев, поваленных тополей, образующих загущённое пространство у небольшой дамбы (рис. 2).

Рис. 2. Наиболее характерный тип местообитаний широкохвостой камышевки *Cettia cetti* в Западном Предкавказье. Рукав реки Меклета, Белоглинский район. 29 апреля 2018.

Широкохвостая камышевка найдена также в Павловском районе Краснодарского края. Она зарегистрирована 30 апреля 2018 на хуторе Первомайский возле берега реки Тихонькой у дамбы среди тростника, кустарников (бузина, подрост клёна), крапивы, хмеля. В несколько иной обстановке эта камышевка была встречена 1 мая 2018 в высоких тростниках без присутствия древесных пород и высокотравья у пропускного канала в окружении посевов зерновых культур между станциями Весёлая и Незамаевская (рис. 3). 1 мая 2018 пара широкохвостых камышевок наблюдалась также в станице Челбасская (Каневской район) на реке Средняя Челбаска среди зарослей тростника и в его заломах с отдельно растущими ивами.

Рис. 3. Тростниковые заросли у сбросного канала в окружении полей зерновых культур реже заселяются широкохвостой камышевкой. Павловский район. 1 мая 2018.

Этот вид присутствовал в 2018 году и в Лабинском районе Краснодарского края. 25 июня две особи выявлены по голосу на прудах у станции Чалмыкская, а 27 июня 9 самцов были учтены по реке Грязнуха (В.П.Белик, устн. сообщ.).

В 2017 году широкохвостая камышевка обнаружена нами в Восточном Приазовье, на территории Приазовского заказника. 10 июля 2017 птица, недолго подававшая голос, отмечена в прибрежных тростниках с редкими деревьями ивы у лимана Долгий в окрестностях хутора Верхний Славянского района Краснодарского края. В 2018 году эта камышевка встречалась уже во многих районах заказника. Три вокализирующих самца зарегистрированы 30 июня 2018 на маршруте в 23 км в пойменном лесу нижнего течения реки Протоки. 2 июля 2018 широкохвостка выявлена ещё в трёх районах заказника. В том числе 4 особи отмечены в месте первоначальной встречи этого вида 10 июля 2017 (рис. 4). Кроме того, не менее 3 птиц учтено в тростниках дамбы вдоль канала между лиманами Долгий и Глубокий (рис. 5) и столько же в прибрежных зарослях лоха и тростника у водоёма заброшенного ракушечного карьера между хуторами Чёрный Ерик и Слободка. В конце лета, 29 августа 2018, три широкохвостых камышевки отмечены у такого же водоёма возле хутора Слободка (Мнацеканов и др. 2018).

Рис. 4. Местообитания широкохвостой камышевки в прибрежной части лимана Долгий. Славянский район. 2 июля 2018.

Рис. 5. Широкохвостая камышевка *Cettia cetti* на гнездовом участке. Слева – в прибрежных тростниках дамбы Соляниковского гирла (межлиманное соединение между лиманами Долгий и Глубокий); справа – в зарослях тростника, травянистой растительности и хмеля у лимана Долгий. Славянский район. 2 июля 2018.

Таким образом, широкохвостая камышевка заселила к настоящему времени степные районы северной и центральной части западного Предкавказья, а также проникла в пределы Восточного Приазовья. Она начала появляться на Черноморском побережье, где обнаружена, по-видимому, пока в качестве пролётного вида. Расселение широкохвостой камышевки в пределы очерченного региона прослеживается с востока – Ставропольского края и Карачаево-Черкессии, и с севера – со стороны Ростовской области. Быстрые темпы её распространения наблюдаются в Восточном Приазовье, что было установлено по результатам регулярных мониторинговых исследований на территории При-

азовского заказника, проводимых с 2016 года. При этом, если в 2017 году в плавневой зоне птицы регистрировались единично, то уже в 2018 году – во многих урочищах.

Литература

- Белик В.П. (1994) 2011. Авифаунистические находки в Ростовской области // *Рус. орнитол. журн.* **20** (662): 1116-1118.
- Белик В.П. (2012) 2018. К изучению динамики ареала соловьиной широкохвостки *Cettia cetti* в Восточной Европе // *Рус. орнитол. журн.* **27** (1648): 3694-3707.
- Гизатулин И.И., Хохлов А.Н. (2001) 2018. О характере пребывания соловьиной широкохвостки *Cettia cetti* в восточном Предкавказье // *Рус. орнитол. журн.* **27** (1652): 3906-3907.
- Гизатулин И.И., Хохлов А.Н., Ильях М.П. 2001. *Птицы Чечни и Ингушетии*. Ставрополь: 1-142.
- Динкевич М.А. 2001. *Орнитофауна города Краснодара (состав, структура, распределение, динамика, пути формирования)*. Дис. ... канд. биол. наук. Ставрополь: 1-242.
- Жарко Я. 1909. *Список птиц Кубанской области*. Екатеринодар: 1-18.
- Забашта А.В. 2018. Материалы по расселению и зимовке соловьиной широкохвостки *Cettia cetti* в Западном Предкавказье и Нижнем Дону // *Рус. орнитол. журн.* **27** (1634): 3177-3190.
- Караваев А.А. (2002) 2017. Новые сведения по фауне птиц Карачаево-Черкесии // *Рус. орнитол. журн.* **26** (1545): 5484-5490.
- Караваев А.А. 2006. Население птиц очистных сооружений г. Черкесска в весенний период // *Кавказ. орнитол. вестн.* **18**: 115-125.
- Кистьяковский А.Б. 1932. Птицы садов низовьев Кубани // *Тр. Ин-та защиты растений. Позвоночные*. Л., **4**, 2: 111-140.
- Лебедева Н.В., Маркитан Л.В., Хохлов А.Н. 2000. Фауна и экология птиц Восточного Приазовья // *Закономерности океанографических и биологических процессов в Азовском море*. Апатиты: 301-348.
- Мнацеканов Р.А., Тильба П.А., Попов С.Л. 2018. Дополнения к орнитофауне Приазовского заказника // *Тр. Сочинского национального парка* **12**: 252-260.
- Моламусов Х.Т. 1967. *Птицы центральной части Северного Кавказа*. Нальчик: 1-100.
- Очаповский В.С. 2017. *Материалы по фауне птиц Краснодарского края*. Ростов-на-Дону; Таганрог: 1-216.
- Россигов К.Н. 1890. В горах Северо-Западного Кавказа (Поездка в Заагдан и к истокам р. Большой Лабы с зоогеографической целью) // *Изв. Рус. геогр. общ-ва* **26**, 4: 193-256.
- Тильба П.А., Мнацеканов Р.А., Найданов И.С. 2017. Соловьиная широкохвостка // *Стрепет* **15**, 2: 130.
- Хохлов А.Н. 1991. К фауне воробьиных птиц Ставропольского края // *Фауна, население, экология птиц Северного Кавказа*. Ставрополь: 88-106.
- Хохлов А.Н. 1993. *Животный мир Ставрополя*. Ставрополь: 1-165.
- Хохлов А.Н., Ильях М.П. 2007. Весенне-летние наблюдения птиц на территории Имеретинской низменности // *Кавказ. орнитол. вестн.* **19**: 125-137.
- Хохлов А.Н., Ильях М.П., Ашибокоев У.М., Цапко Н.В. 2010. К летней орнитофауне северо-западной части Карачаево-Черкесии и сопредельных территорий // *Кавказ. орнитол. вестн.* **22**: 146-151.
- Чунихин С.П. 1962. Вертикальная поясность в распределении птиц Кабардино-Балкарии // *Орнитология* **5**: 186-192.

Выживаемость яиц и птенцов тихоокеанской чайки *Larus schistisagus* в колониях Ольской лагуны

Л.А.Зеленская

Лариса Анатольевна Зеленская. Институт биологических проблем Севера СВНЦ ДВО РАН. Ул. Портовая, д. 18, Магадан, 685000, Россия. E-mail: larusrissa@gmail.com

Поступила в редакцию 12 апреля 2019

Ольская лагуна расположена в 30 км к востоку от города Магадана. Площадь лагуны составляет около 30 км². В фазу прилива лагуна представляет собой мало опресняемый морской залив с глубинами 4-8 м и морской бентосной фауной. Во время сизигийных отливов более половины площади лагуны полностью обсыхает. Амплитуда высоты остатков воды в отливы варьирует от 0.3 до 2.8 м. Около трети площади дна покрыто зарослями взморника *Zostera marina*. Приливно-отливные колебания имеют приблизительно полусуточную цикличность (12.7 ч).

От акватории Тауйской губы Охотского моря Ольская лагуна отделена прерывистым устьевым баром, представленным Нюклинской косой, островами Кошка Уйра и Кошка Уратамлян, полуостровом Кошка Этыргэн (рис. 1). Песчано-галечные островные бары образовались сравнительно недавно в результате аккумуляции морских отложений, и травянистый растительный покров формируется здесь на первичном субстрате (Хорева, Зеленская, Андриянова 2016). Высота островов до 5 м над уровнем моря. Внутри лагуны в 250-550 м от существующего бара расположены острова Сикулун и Сиякал, являющиеся реликтами размытого бара (рис. 1). На Кошке Этыргэн располагался посёлок рыбаков Атарган, существовавший с 1940 по 1980 год и имевший пирс, магазин, засольные цеха и постоянное сообщение на маленьких катерах с районным центром – посёлком Ола. В настоящее время посёлок заброшен, почти полностью разрушен, в оставшихся домах постоянно проживают только несколько рыбаков. Летние полевые базы рыбаки регулярно устраивают на острове Кошка Уратамлян.

До 1985 года, по наблюдениям И.В.Дорогого (устн. сообщ.), регулярно обследовавшего район Ольской лагуны, тихоокеанская чайка *Larus schistisagus* здесь не гнездилась, а в 2001-2006 годах на всех островах ежегодно гнездилось не менее 500 пар (Дорогой 2008). Рост численности гнёзд тихоокеанской чайки на береговых барах был стремительным: за 6 лет наших наблюдений с 2009 по 2014 год – с 2.7 тыс. пар до 7 тыс. пар (табл. 1). При этом рост колоний отчасти сдерживает хозяйственная деятельность рыбаков (сбор яиц, разорение гнёзд соба-

ками, отстрел взрослых птиц на наживку). Однако рост численности чаек продолжается, и по нашей оценке 2017 года суммарно на всех островах гнезилось не менее 10 тыс. пар.

Подробные учёты численности гнёзд чаек проводились в 2009, 2013 и 2014 годах. На островах Сикулун, Сиякал и Кошке Уйре (рис. 1) с помощью GPS-навигатора картировали все гнёзда. На Кошке Уратамлян учёты проводили методом пробных площадок с последующей экстраполяцией. На участках с плотным гнездованием чаек насиживающих птиц просчитывали по цифровым фотографиям, на участках с меньшей плотностью – с помощью бинокля.

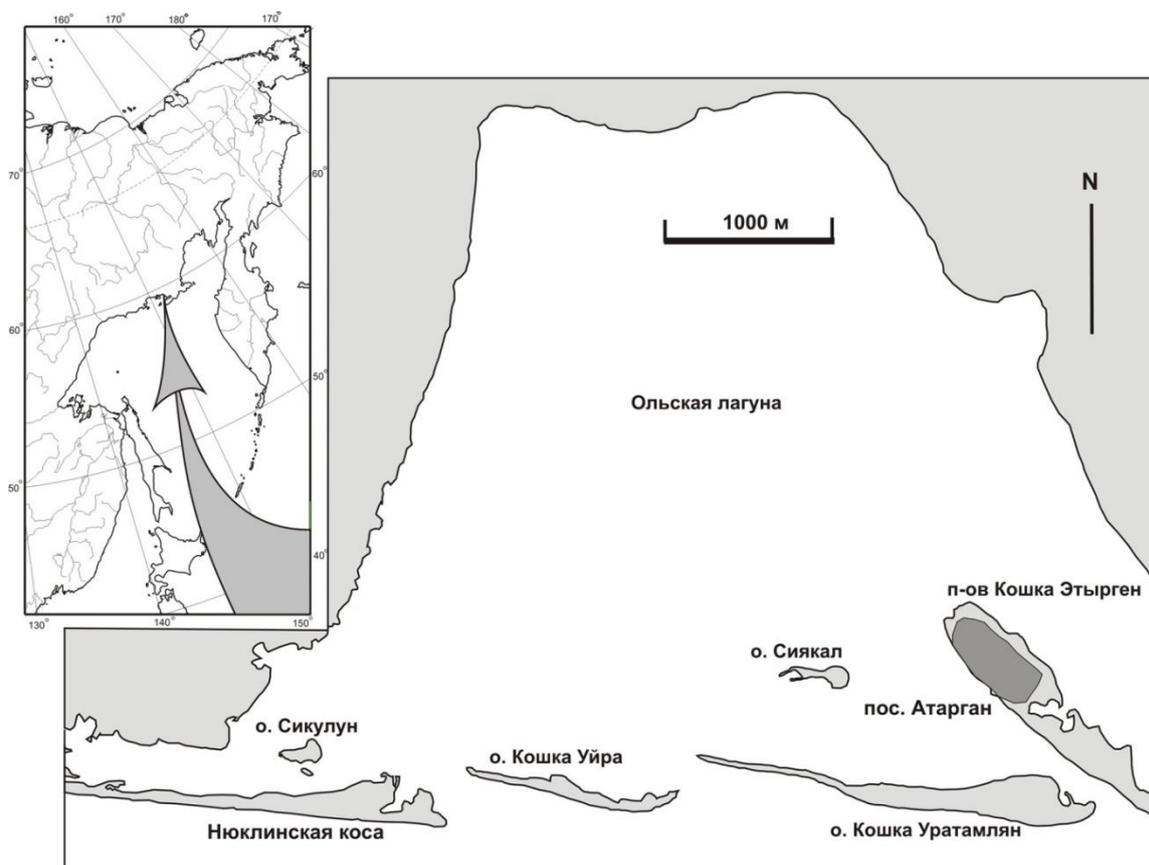

Рис. 1. Район исследований.

Выживаемость кладок

Для оценки выживания кладок в период инкубации, мы сделали попытку оценить объёмы изъятия людьми яиц при их ежегодном хищническом сборе (см. таблицу).

При картировании гнёзд учитывали количество яиц в каждом из них. Учитывали долю «пустых», т.е. полностью разорённых людьми гнёзд, построенные в данном сезоне, а также долю не тронутых людьми гнёзд, содержащих 3 яйца. Кладки, содержащие 1-2 яйца, могли быть как ограбленными людьми (если выбирали только не насиженные яйца), так и содержащими естественно уменьшенные кладки. Поэтому их в расчёт не брали. В таблице в скобках представлена доля (%)

от общего количества зарегистрированных на острове гнёзд. На Кошке Уратамлян в 2014 году учёт «пустых» гнёзд и полных кладок проводили на типовом открытом участке, содержащем 188 гнёзд. Только для этого острова в таблице приведена доля (%) гнёзд именно для учётной площадки, а не для острова в целом.

Численность гнёзд тихоокеанской чайки *Larus schistisagus* и последствия сбора яиц людьми на островных барах в разные годы (объяснения в тексте)

Остров	2009 год			2013 год			2014 год		
	Всего гнёзд	Пустые гнёзда	Кладка 3 яйца	Всего гнёзд	Пустые гнёзда	Кладка 3 яйца	Всего гнёзд	Пустые гнёзда	Кладка 3 яйца
Кошка Уратамлян	2079	–	–	2859	–	–	4000	20 (10.6%)	99 (52.7%)
Кошка Уйра	199	129 (64.8%)	12 (6%)	998	154 (15.4%)	606 (60.7%)	1937	523 (27%)	771 (39.8%)
Сиякал	383	101 (26.4%)	101 (26.4%)	641	90 (14.1%)	291 (45.4%)	1060	793 (74.8%)	86 (8.1%)
Сикулун	13	12 (92.3%)	0	10	5 (83%)	0	–	–	–

Примечание: прочерк – учёты не проводили.

Ежегодный массовый сбор яиц чаек на всех островах жителями посёлка Ола носит стихийный характер. Больше всего подвергается прессу сборщиков ближайший к посёлку остров Сикулун. Как правило, на нём выбирают все кладки. Затраты времени на посещение островов Кошка Уйра и Сиякал почти равнозначные, но подвергаются ограблению они бессистемно. В 2009 году на Кошке Уйре были полностью уничтожены кладки в 65% гнёзд, а на Сиякале – в четверти гнёзд, в 2014 году, наоборот, почти 75% гнёзд было уничтожено на Сиякале, а на Кошке Уйре только примерно 30% (таблица). В 2013 году на обоих островах полностью было уничтожено примерно по 15% гнёзд, но на Кошке Уйре при этом полные кладки отмечены более чем в 60% гнёзд. Кошка Уратамлян, как самый большой и плотно заселённый чайками остров и расположенный максимально удалённо от посёлка, страдает от сборщиков яиц менее всего: полностью уничтожается около 10% гнёзд, а кладки в 3 яйца содержат более половины гнёзд (таблица).

В период инкубации на успех размножения тихоокеанской чайки на береговых барах, помимо человека, оказывает влияние хищничество домашних собак, посещающих острова вместе с людьми. Но, как правило, их пребывание на колониях не долгосрочно. Бурый медведь *Ursus arctos*, судя по следам, иногда посещает только восточное побережье Кошки Уратамлян. На всех островах на чаек регулярно охотятся белоплечий орлан *Haliaeetus pelagicus* и орлан-белохвост *H. albicilla*. Но межвидовое хищничество развито значительно меньше, чем внутривидовое. Похищение яиц чайками-соседями при беспокойстве – обыч-

ное явление на всех островах. Вероятно, данные, приведённые в таблице, содержат суммарные потери яиц как от сбора яиц людьми, так и от сопровождающего его внутривидового хищничества. Повторные кладки – обычное явление на всех островах.

Выживаемость птенцов

Для оценки выживания птенцов в 2016 году на острове Кошка Уйра в пик вылупления птенцов (25 июня) в течение одного дня проведено сплошное кольцевание алюминиевыми кольцами всех вылупившихся птенцов. Участок для кольцевания начинался от самого удалённого от посёлка мыса (рис. 2). Длина участка составляла 220 м, ширина его от одного берега острова до другого – 56 м. Эта часть бара совершенно не имела растительного покрова и была непривлекательной для людей (неудобна для причаливания лодок). В день кольцевания в большинстве гнёзд вылупились первые два птенца или все три, в отдельных гнёздах ещё продолжалось насиживание. Таким образом, на данном участке была окольцована только часть птенцов от всех вылупившихся в данном сезоне. Всего окольцовано 330 птенцов.

Рис. 2. Остров Кошка Уйра. Участок проведения кольцевания и учёта выживших птенцов тихоокеанской чайки *Larus schistisagus*. На заднем плане – имеющий травянистое покрытие соседний остров Кошка Уратамлян.

Возраст птенцов при кольцевании составлял от 0 сут (вылупление происходило практически на глазах) до 3-5 сут. В этом возрасте птенцы ещё малоподвижны, как правило, не удаляются от гнезда. Кроме того, по нашим наблюдениям, стереотип защитного поведения птенцов тихоокеанской чайки, в отличие от *Larus vegae* и *L. hyperboreus*, не убегание от опасности, а затаивание. При тревоге птенцы в течение первой недели жизни, как правило, лежат, затаившись, даже на совершенно открытом месте и не всегда убегают даже после того, как до них дотронутся или переместят.

Далее этот участок, во избежание беспокойства, мы не посещали до контрольного учёта. Таким образом, мы постарались свести к минимуму негативные последствия нашего вмешательства в жизнь колонии. На островных барах не был отмечен каннибализм, поэтому частично разложившиеся или высохшие останки птенцов разного возраста находятся в колонии до начала осенних штормов. Мы рассчитывали обнаружить всех погибших окольцованных птенцов на этой территории.

После вылупления птенцов воздействие людей на колонии чаек становится минимальным. В это время начинается промысел лососей, и люди посещают острова только для установки сетей и их обслуживания, не отходя от уреза воды далее 5-10 м. По нашим наблюдениям, основная причина травматизма и гибели птенцов на островных барах – социальные конфликты и агрессивные нападения взрослых чаек на птенцов, когда они забегают на чужую территорию.

Проверка останков погибших птенцов на этом участке колонии проведена 9 августа. При итоговом учёте мы убедились, что большинство живых птенцов были окольцованными, а почти все останки птенцов, обнаруженные здесь, не имели колец. Почти все погибшие птенцы (с кольцами и без) имели раны на голове и шее, нанесённые взрослыми чайками. Однако, вопреки ожиданиям, найдено только 4 мёртвых птенца с кольцами. Гибель птенцов на участке без растительного покрова на острове Кошка Уйра составила всего 1.2% от 330 окольцованных.

Возможно, надевая кольца на птенцов в период пика вылупления, мы тем самым маркировали когорту птенцов, вылупившихся первыми и в оптимальные для данной колонии сроки. Гибель птенцов, вылупившихся позже, вероятно, была выше. Возможно также, что часть обнаруженных нами погибших, не маркированных птенцов – «бегуны», забежавшие на эту территорию со смежных участков и подвергшиеся агрессии в территориальных конфликтах. Не исключено также, что определённая часть птенцов, окольцованных нами, погибла, но не на данной территории. Подросшие птенцы при опасности уходят на воду, и мы наблюдали, как трудно им выдерживать удары волн в накате на мористой стороне острова. Но даже с учётом всех наших предположений, выживаемость птенцов на острове Кошка Уйра остаётся высокой.

Л и т е р а т у р а

Дорогой И.В. 2008. Водоплавающие и другие околотовдные птицы окрестностей Ольской лагуны // *Вестн. СВНЦ ДВО РАН* 4: 45-62.

Хорева М.Г., Зеленская Л.А., Андриянова Е.А. 2016. Формирование растительного покрова на островных барах Ольской лагуны (Охотское море) в условиях быстро растущей численности морских птиц // *Сиб. экол. журн.* 3: 293-312.

Гнездование белой совы *Nyctea scandiaca* в горах центральной Чукотки

И.В.Дорогой

Второе издание. Первая публикация в 2009*

Белая сова *Nyctea scandiaca* – один из самых заметных и характерных пернатых обитателей высоких широт. На северо-востоке Евразии область гнездования этого вида охватывает острова и северное побережье Северного Ледовитого океана (Минеев 1936; Портенко 1973; Кречмар, Дорогой 1981; Дорогой 1987), а также некоторые районы Корякского нагорья (Кищинский 1980). Сведения Г.Майделя (1894) о том, что на южных склонах «Анадырского хребта» «повсюду встречали гнездившуюся на открытых возвышениях белую сову», к сожалению, не имеют определённой привязки к конкретной местности. Наиболее южный пункт на Чукотке, откуда имеются сведения о гнездовании белых сов, – южная оконечность Золотого хребта (64°40' – 64°45' с.ш.; 177°55' – 178°50' в. д.), где летом 2000 года было найдено несколько гнёзд (Larpo, Syroechkovski 2001).

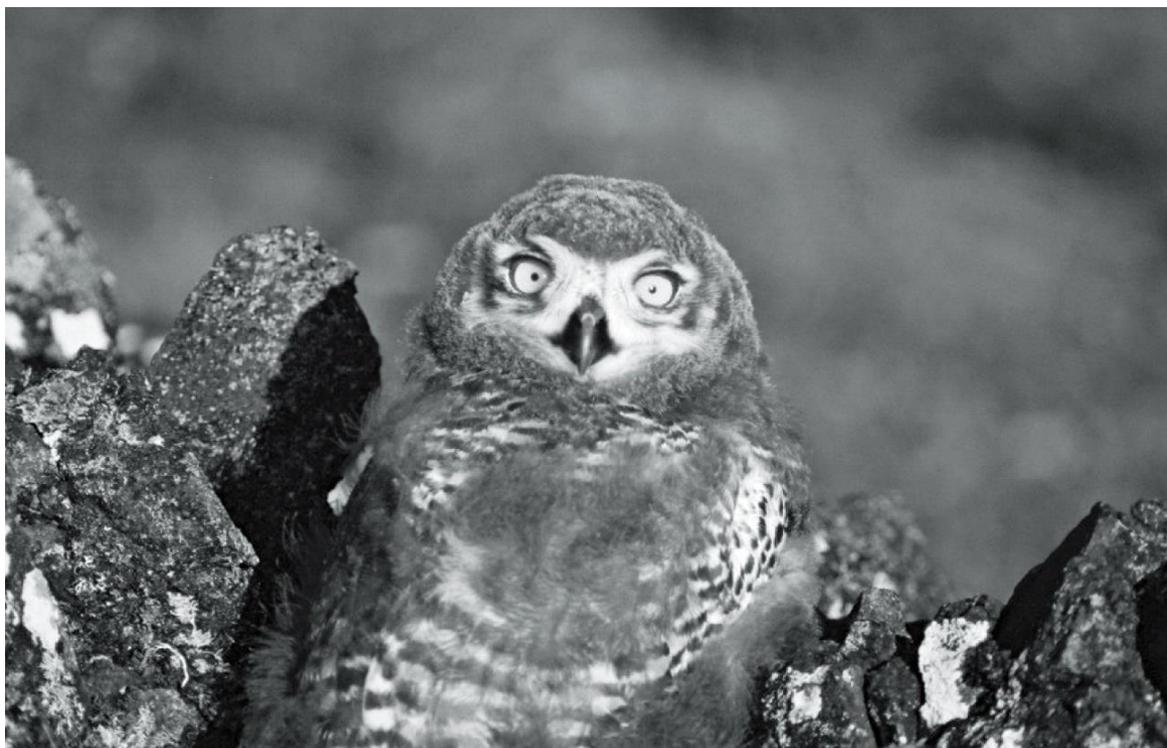
Известно, что в годы с повышенной численностью мышевидных грызунов (Portenko 1972) белые совы в некоторых частях ареала спорадически гнездятся даже у пределов древесной растительности. Вместе с тем нам не известно ни одного случая гнездования белых сов вдали от побережья, подтверждённого документальными доказательствами, хотя сами птицы в гнездовое время (в том числе и в годы с высокой численностью мышевидных грызунов) изредка наблюдались в разных частях центральной Чукотки (Кищинский и др. 1983; Дорогой 1993а,б).

В летние сезоны 2004 и 2007 годов нами зарегистрировано гнездование белых сов в горах центральной Чукотки на водоразделе Анадыря и Малого Анюя (в 2003, 2005 и 2006 годах этих птиц в данном районе мы не видели). Наблюдения проводились в окрестностях золоторудного месторождения Купол, расположенного в верховьях ручья Средний Кайемраваам – левого притока реки Мечкерева (правый приток Анадыря в его среднем течении). Ряд ценных сведений нам любезно сообщил геолог Питер Фишл (Peter Fischl), которому мы выражаем искреннюю благодарность.

Гнездо белых сов с 4 птенцами обнаружено в верховьях ручья Средний Кайемраваам (66°48' с.ш.; 169°33' в.д.) в июне 2004 года. По словам Питера Фишла, к середине июля из выводка остались лишь два

* Дорогой И.В. 2009. Гнездование белой совы в горах центральной Чукотки // *Вестн. СВНЦ ДВО РАН* 1: 109-110.

птенца (см. рисунок), впоследствии достигшие взрослого состояния. Пара сов с двумя лётными молодыми неоднократно наблюдалась с 22 по 24 августа 2007 на водоразделе ручьёв Луночный и Висячий в верховьях ручья Средний Кайемраваам (66°58' с.ш.; 169°57' в.д.). Осмотренное уже оставленное к тому времени птицами гнездо было устроено на склоне «столовой» сопки, на небольшом куполообразном возвышении посреди кочкарниковой осоково-пушицевой тундры с примесью багульника и карликовой берёзки на высоте около 650 м н.у.м. 22 августа здесь встречены самка и одна из молодых сов, расклёвывавшие останки тундряной куропатки *Lagopus mutus*; в найденной неподалёку погадке обнаружены шерсть и кости двух сибирских горных полёвок *Alticola lemmings*.

Птенец белой совы *Nyctea scandiaca*. Верховья ручья Средний Кайемраваам. Центральная Чукотка. Середина июля 2004 года. Фото П.Фишля.

В исследуемом районе с 2003 по 2007 год ни разу не было отмечено заметной численности тундровых леммингов – основного объекта питания белых сов на большей части гнездовой части ареала. Вместе с тем летом 2007 года здесь зарегистрирована повышенная плотность северосибирской *Microtus hyperboreus* и сибирской горной *Alticola lemmings* полёвок, встречаемость которых в отловах давилками достигала в оптимальных биотопах соответственно 25 и 6 особей на 100 ловушко-суток. Факт периодического гнездования белой совы в тундрах центральной Чукотки весьма интересен, поскольку принято считать, что граница гнездовой части ареала вида на северо-востоке Азии расположена значительно севернее.

Литература

- Дорогой И.В. 1987. *Экология хищников-миофагов острова Врангеля и их роль в динамике численности леммингов*. Владивосток: 1-89.
- Дорогой И.В. 1993а. Фауна и население птиц // *Экология бассейна реки Амгуэма (Чукотка)*. Владивосток: 140-163.
- Дорогой И.В. 1993б. Птицы окрестностей озера Эльгыгытгын и верховьев реки Энмываам // *Природа впадины озера Эльгыгытгын (проблемы изучения и охраны)*. Магадан: 178-189.
- Кищинский А.А. 1980. *Птицы Корякского нагорья*. М.: 1-336.
- Кищинский А.А., Томкович П.С., Флинт В.Е. 1983. Птицы бассейна Канчалана (Чукотский национальный округ) // *Распространение и систематика птиц*. М.: 3-76.
- Кречмар А.В., Дорогой И.В. 1981. Белая сова *Nyctea scandiaca* L. // *Экология млекопитающих и птиц острова Врангеля*. Владивосток: 56-81.
- Майдель Г. 1894. *Путешествие по северо-восточным частям Якутской области в 1868-1870 годах барона Гергарда Майделя*. СПб.: 1-599.
- Минеев А.И. 1936. *Пять лет на острове Врангеля*. Л.: 1-444.
- Портенко Л.А. 1973. *Птицы Чукотского полуострова и острова Врангеля*. Л., 2: 1-323.
- Lappo E.G., Syroechkovski Jr. E.E. 2001. Southern edge of Zolotoy Khrebet, Chukotka, Russia (64°40'-64°45'N; 177°55'-178°50'E) // *Arctic Birds* 3: 11.
- Portenko L.A. 1972. *Die Schnee-Eule*. Wittenberg Lutherstadt: 1-232.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2019, Том 28, Экспресс-выпуск 1766: 2072-2073

Современный статус стервятника *Neophron percnopterus* в Узбекистане

Р.Д. Кашкаров

Второе издание. Первая публикация в 2015*

В результате выполнения программы «Численность и распространение балобана и стервятника в Узбекистане» в 2009-2010 годах при поддержке британского фонда «BirdFair» (RSPB Research Fund for Endangered Birds) и Агентства GEF Международного Фонда Спасения Арала, проанализирована вся доступная информация за последние 100 лет, проведены исследования в равнинной части Центрального Узбекистана, отрогах Гиссаро-Алая и в юго-западных отрогах Западного Тянь-Шаня.

Численность стервятника *Neophron percnopterus* в Центральной Азии оценивается в 2000 пар (BirdLife International 2008). Несмотря на статус «угрожаемый» (EN), стервятник не включён в Национальную красную книгу Узбекистана, на территории которого обитает 135 пар,

* Кашкаров Р.Д. 2015. Современный статус стервятника в Узбекистане // 14-я Международ. орнитол. конф. Сев. Евразии. I. Тезисы. Алматы: 232-233.

в основном в южных районах: Кугитанг и Бабатаг – 37 пар, в Гиссарском хребте – 25 пар, в хребте Байсунтау – 15 пар. На остальной территории численность стервятника незначительна: в Чаткальском хребте – 13 пар, в Пскемском – 4, в Кураминском – 1, в Туркестанском – 6, в предгорьях Зеравшанского хребта – 2, в Каратегинском хребте – 3, в Нуратау – 12, в Пистелитау – 2, в центре пустыни Кызылжум – 11, на чинке Устюрта – 2, в пойме Амударьи – 2 пары.

За период с 2003 по 2010 год в районах с невысокой численностью гнездящаяся популяция была стабильной, но на юге (Кугитанг, Бабатаг) она сократилась на 26%.

Развитие транспортной сети улучшает кормовые условия для стервятника за счёт гибели под колёсами автотранспорта мелких наземных позвоночных (грызунов, рептилий, ежей и др.), однако одновременно на дорогах возрастает риск гибели самих стервятников.

С переходом к фермерству количество мелкого рогатого скота в Центральном Узбекистане резко сократилось. Также снизилась интенсивность каракулеводства с присущим ему массовым забоем ягнят. Снижение количества доступных кормов приводит к сокращению гнездовых территорий. Так, стервятник перестал гнездиться в низкогорьях Букантау. В поисках пищи птицы посещают свалки крупных населённых пунктов, где подвергаются риску отравления приманками против синантропных грызунов, бродячих кошек и собак.

Одним из основных кормовых объектов стервятника в период размножения является степная черепаха *Agrionemys horsfieldi*. Регулярные промысловые заготовки этой рептилии также отрицательно влияют на состояние популяции вида.

Прямое преследование человеком является реальной угрозой для вида в Южном Узбекистане. Считая, что стервятники нападают на ягнят, чабаны при любой возможности отстреливают их и разоряют гнёзда. Данных о гибели стервятников на ЛЭП в Узбекистане нет.

Сокращение численности стервятника из-за беспокойства наблюдается в Западном Тянь-Шане. До 1990 года в низкогорьях Ташкентской области гнездились не менее 7 пар. Увеличение числа отдыхающих на территории Угам-Чаткальского национального парка привело к прекращению гнездования вида во всех ранее известных местах.

Таким образом, тяготение вида к освоенным территориям приводит к тому, что резкие изменения в хозяйственной деятельности человека создают реальные угрозы для стервятника. Это необходимо учитывать при разработке мер по его сохранению.

Роль птиц в энзоотии чумы

А.В.Холин, Д.Б.Вержущий

Второе издание. Первая публикация в 2018*

Чумная инфекция, причинившая человечеству за всю его историю несравнимый ни с какими другими бедствиями ущерб, живёт и процветает в естественных биоценозах многих стран мира. Её существование полностью связано с освоением узкой экологической ниши – паразитированием в кишечном тракте определённой группы кровососущих членистоногих – блох. Среди теплокровных животных основную роль в сохранении возбудителя чумы в природных биотопах играют виды мелких млекопитающих, имеющие развитые норовые системы, обеспечивающие успешную жизнедеятельность и накопление высоких плотностей блох. Значение птиц в энзоотии чумы рассматривалось многими исследователями, но единого мнения по этой проблеме до настоящего времени не выработано.

Птицы являются наиболее подвижной частью биоты и, естественно, их возможная роль в распространении возбудителя чумы с давних пор привлекала внимание специалистов-чумологов (Тер-Вартанов и др. 1954; Пейсахис и др. 1969; Шевченко, Каймашиников, Андреева 1969). С другой стороны, совместное использование убежищ мелкими млекопитающими и птицами-норниками обеспечивает значительный уровень паразитарных контактов между этими группами животных, что позволяет предполагать и вероятность инфицирования самих птиц с развитием заболевания, бактериемией и передачей заразного начала интактным блохам (Пейсахис и др. 1970; Бибииков и др. 1972).

Пернатые хищники оказывают значительное влияние на условия циркуляции возбудителя чумы в природных очагах этой инфекции. Хищные птицы проявляют себя, в первую очередь, как ограничители численности наиболее массовых видов мелких млекопитающих, как правило – основных носителей чумы. Это сказывается на активности эпизоотий, уменьшая степень контактов между заболевшими и здоровыми зверьками. Изымая из популяции и утилизируя больных животных, они также препятствуют и широкому распространению возбудителя (Ралль 1965). Помимо прочего, хищные пернатые являются одним из важных факторов, препятствующих межпопуляционным обменам у мелких млекопитающих, легко истребляя животных, появившихся в «буферной» зоне и оказавшихся на незнакомой территории с

* Холин А.В., Вержущий Д.Б. 2018. Роль птиц в энзоотии чумы // *Современные проблемы орнитологии Сибири и Центральной Азии: материалы 6-й международ. орнитол. конф.* Иркутск: 243-247.

отсутствием подходящих убежищ (Вержущий 2006). В периоды активизации эпизоотий, как правило, хищные птицы ведут относительно стационарный образ жизни, не перемещаясь на большие расстояния. В связи с такими особенностями экологии нельзя рассматривать эту группу пернатых как имеющую значение в дальнейшем перемещении возбудителя. На локальных участках, несомненно, могут происходить и происходят переносы на небольшие расстояния (до своего гнезда или к удобному месту кормления) как в виде добытых больных зверьков или найденных трупов, так и их инфицированных чумой эктопаразитов.

Большее значение в энзоотии чумы, вероятно, имеют норовые виды птиц, в первую очередь, каменки. В мире известно около 20 видов этих птиц, связанных с открытыми пространствами (Панов 1999). Исследования многих авторов показывают, что каменка-плясунья *Oenanthe isabellina* является практически облигатным обитателем нор грызунов во многих регионах Евразии. Совместное использование норовых систем обеспечивает интенсивный обмен эктопаразитами, свойственными птицам и млекопитающим. В Тувинском природном очаге чумы 91.2% блох, найденных в 20 гнёздах каменки-пясуньи, относились к её специфичным паразитам, остальные были представлены блохами суслика и пищух, среди которых отмечены *Citellophilus tesquorum*, *Frontosylla elatoides*, *Frontosylla hetera*, *Neopsylla mana*, *Ctenophyllus hirticrus*, *Amphalius runatus* и др. В Казахстане показано, что, кроме присущих каменкам специфичных видов блох, в период весеннего пролёта на них часто обнаруживаются и блохи грызунов (Бурделов, Касенова 2001). Блохи грызунов многих видов способны длительное время питаться кровью каменок. Каменки-пясуньи болеют чумой с развитием бактериемии (Пейсахис и др. 1969). Приводятся сведения о спорадическом обнаружении инфицированных чумой каменок-пясуний, собранных с них блох или наличии антител к чумному микробу в крови этих птиц в Волго-Уральском, Кызылкумском, Мангышлакском, Гиссарском очагах (Бурделов, Касенова 2001).

Блохи каменок неоднократно находились заражёнными чумой в Тувинском природном очаге. Так, за все время с начала обнаружения этого очага (1964-2018 годы) в нём было изолировано 1693 штамма возбудителя, из них 15 (0.9%) выделено от блох каменки-пясуньи (11 от *F. frontalis baikal* и 4 от *C. styx avicitelli*). В Алтайском горном очаге эти специфичные блохи птиц систематически обнаруживаются на мелких млекопитающих и во входах их нор. За всё время мониторинга очага от блох, паразитирующих на каменках, изолировано 11 культур, что составляет 0.56% от всего числа выделенных в очаге штаммов чумного микроба. В Монголии (Сайлюгемский очаг) в 1976 году отловлена серопозитивная на чуму каменка-пясунья. В 1978 году от трупа птенца каменки-пясуньи выделена культура *Yersinia pestis* в сомоне Саг-

сай Баян-Улгийского аймака Монголии. Предполагается, что появление чумного микроба основного подвида в Алтайском горном очаге произошло благодаря дальнему заносу (на 240 км) с мигрирующими каменками-плясуньями из Делуун-сомона Баян-Ульгийского аймака Монголии (Балахонов и др. 2013).

Стоит отметить, что в недавно опубликованной работе о роли каменки-плясуньи в чумных эпизоотиях (Попов и др. 2007) высказывается мнение, что определяющим фактором в сохранении возбудителя в природе является персистенция чумного микроба в гельминтах блох, что, во-первых, не подкреплено сколько-нибудь существенными полевыми наблюдениями, а во-вторых, слабо связано с темой публикации.

Таким образом, значение птиц в энзоотии чумы можно определить как достаточно существенное, но определяющей роли в поддержании эпизоотического процесса пернатые хищники или норовые каменки, безусловно, не играют.

Литература

- Балахонов С.В., Корзун В.М., Вержуцкий Д.Б., Михайлов Е.П. и др. 2013. Первый случай выделения *Yersinia pestis* subsp. *pestis* в Алтайском горном природном очаге чумы. Сообщение 2. Вероятные пути и механизмы заноса возбудителя чумы основного подвида на территорию очага // *Проблемы особо опасных инфекций* 2: 5-10.
- Бибиков Д.И., Стогов И.И., Пейсахис Л.А.П., Фадеев С.Г. и др. 1972. Каменка-плясунья – вероятный компонент в природных очагах чумы // *Проблемы особо опасных инфекций* 1 (23): 100-107.
- Бурделов А.С., Касенова А.К. 2001. Контакты каменки-плясуньи и её специфических блох с возбудителем чумы (обзор) // *Карантинные и зооноз. инфекции в Казахстане* 4: 17-19.
- Вержуцкий Д.Б. 2006. Межпопуляционные связи у длиннохвостого суслика в Юго-Западной Туве // *Бюл. МОИП. Отд. биол.* 111, 5: 52-59.
- Панов Е.Н. 1999. *Каменки Палеарктики*. М.: 1-342.
- Пейсахис Л.А., Стогов И.И., Степанов В.М. 1969. Птицы как возможный источник заражения грызунов возбудителем чумы // *Зоол. журн.* 43, 9: 1374-1378.
- Пейсахис Л.А., Стогов И.И., Степанов В.М., Бибиков Д.И. 1970. Экспериментальное исследование чумы у каменки-плясуньи (*Oenanthe isabellina*) в связи с её вероятным значением в природной очаговости этой болезни // *Зоол. журн.* 49, 11: 1691-1696.
- Попов Н.В., Слудский А.А., Завьялов Е.В., Удовиков А.И. и др. 2007. Оценка возможной роли каменки-плясуньи (*Oenanthe isabellina*) и других птиц в механизме энзоотии чумы // *Поволж. экол. журн.* 3: 215-226.
- Ралль Ю.М. 1965. *Природная очаговость и эпизоотология чумы*. М.: 1-363.
- Тер-Вартанов В.Н., Гусев В.М., Бакеев Н.Н., Лабунец Н.Ф. и др. 1954. К вопросу о переносе птицами эктопаразитов млекопитающих // *Зоол. журн.* 33, 5: 1116-1125.
- Шевченко В.Л., Каймашников В.М., Андреева Т.К. 1969. О механизме сохранения природной очаговости чумы в Волго-Уральских песках // *Зоол. журн.* 48, 2: 270-283.

